

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИГРА

НА ПРЕДЕЛЕ ЧУВСТВ

ОНИ ИМЕЮТ ОБЩУЮ МЕЧТУ

ДЖУЛИ ДЕЙС

Джули Дейс
Игра на пределе чувств
Серия «Игра», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68657370

SelfPub; 2024

Аннотация

Жизнь Джейн Оливерсен терпит колоссальные перемены, как только в неё врывается очаровательный, сексуальный, весёлый Уилл Каллоуей. Сосед, который до недавних пор не подозревал о её существовании... но так ли это на самом деле? С виду лёгкий и оптимистичный Уилл в одиночку ведёт борьбу с внутренними демонами, а девушка за забором, кажется, единственное настоящее в его жизни. Найти себя не так просто, особенно, если кто-то препятствует желаниям. Может быть, Джейн – компас, на который нужно полагаться и которому стоит доверить намного больше, чем жизнь?

Содержание

Плейлист	4
Глава 1. Уилл	5
Глава 2. Джейн	18
Глава 3. Джейн	29
Глава 4. Джейн	43
Глава 5. Уилл	58
Глава 6. Уилл	77
Глава 7. Джейн	90
Глава 8. Уилл	103
Глава 9. Уилл	118
Глава 10. Уилл	137
Глава 11. Джейн	156
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Джули Дейс

Игра на пределе чувств

Плейлист

All Time Low – Basement Noise

Loveless – A Thousand Reasons

Pale Waves – Only Problem

All Time Low & Cheat Codes – Ghost Story

Lifeforce – Runaways

*Stephen William Cornish & Amanda Leigh Wilson – Hold On
Tight*

Hinder – The Life

Maroon 5 – Sugar

Cole Swindell, Lainey Wilson – Never Say Never

Глава 1. Уилл

*#У вас должна быть мечта,
чтобы вы могли вставать по утрам. ”
Билли Уайлдер*

Пар клубится над кружкой с горячим кофе. Я делаю глоток, обжигаю губы и смотрю в окно, игнорируя жжение. Сно-ва жду, когда она появится. Выключит свет, осмотрит задний двор и исчезнет, а я выйду на пробежку.

Примерно так выглядит ежедневный утренний ритуал, за исключением выходных. Если в пятницу уезжаю, то утро субботы проходит без неё. И чаще всего, воскресное тоже. Я просто разочарование года. А она юна. Не настолько, чтобы между нами легла возрастная пропасть в виде разных интересов, но и выглядит далеко не так, к каким девушкам привык. С какими имею дело. Она кажется наивной, по-детски чистой и, чёрт возьми, это не удивительно. Она ещё школьница, а я уже попробовал на вкус безграничную студенческую свободу, вырвался из-под родительского контроля и

опеки. Почти.

Утро становится привычным спустя минуту.

Сначала гаснет уличный фонарь, нависающий над дверью.

За ним отключается шариковая гирлянда.

Распахивается дверь.

Появляется она.

Обводит взглядом полупустой двор и выдыхает облачко пара. Я начал замечать его только с опустившимися холодами.

Девушка обнимет себя руками и интенсивно растирает предплечья, сбегает с просторной веранды, где разместились парочка плетёных садовых кресел и кофейный столик. Пересекает двор и тянется к верхушке деревянного столба в одном из углов забора с намеренностью подцепить гирлянду.

Я улыбаюсь безуспешным попыткам. И ещё шире улыбаюсь, когда она начинает подпрыгивать, чтобы всё же выиграть в схватке.

Всё равно ничего не выходит. Провод зацепился за сук и не поддаётся.

Я не медлю ни секунды.

Ставлю кружку на столешницу так, что кофе плещет через край, и подобно пуле устремляюсь на задний двор. Простояв ещё секунду – и со свистом пролечу. Судьба подкинула лучшую для знакомства возможность, если упущу, то разочаруюсь и выключу собственный мозг за ближайшие сутки.

– Тебе помочь? – Громко спрашиваю я, держа дверь от-

крытой за покрытую инеем металлическую ручку. Хороший способ остудить пыл, потому что я, кажется, готов забраться на Эверест, нацепив супергеройский плащ, а на деле всего-то снять провод.

Девушка подпрыгивает от неожиданности и вращает головой. Она находит меня в пороге и в следующую секунду отрывисто кивает.

Я сбегая по лестнице, пересекаю территорию и в мгновение ока оказываюсь у забора. Поднимаю руку и снимаю провод, измывающийся над ней.

– Спасибо.

Мелодичный ровный голос, в котором ни намёка на флирт. Я впервые вижу её так близко, насколько возможно, насколько позволяет личное пространство. Впервые разговариваю с ней, если это можно так назвать. Изучаю нежные черты лица.

Розовые полные губы приподняты в уголках, аккуратный прямой носик, брови формой домика подчёркивают глаза серо-зелёным оттенком, где зелена доминирует над серым, из-за чего они имеют эффект хрусталя, так ещё и обрамлены пышными ресницами с лёгким изгибом. Каштановый оттенок волос под тусклым солнечным светом переливается и напоминает тягучую золотую карамель, локоны перекинута на одну сторону и волнами струятся по плечу, не достигнув груди. Она совершенно естественная с милым румянцем на щеках, возникшем благодаря морозному воздуху. Можно поду-

мать, что девушка смущена, но по прямому взгляду, направленному на моё лицо, это было бы самообманом. Бесформенная чёрная толстовка прячет фигуру и часть кисти, оставив взору лишь длинные пальцы и открытые участки кремовой кожи на шее. На ногах свободные красные пижамные штаны в клетку и коричневые домашние тапочки с мехом из овчины поверху. Любопытно узнать, что скрывается под плотной тканью, только вряд ли такое возможно в ближайшем будущем. И не было возможно раньше, ведь она постоянно надевает широкую одежду, но иногда приходилось довольствоваться относительно короткими шортами. Смотря на неё, голову не засоряют пошлые мысли, лишь чистые помыслы. Я не зажигаюсь идеей затащить её в кровать.

Внутри тут же активно и агрессивно бастует мужская составляющая.

Ладно, отчасти хочу. Обманываться глупо.

Я не жду, что она набросится, как и не жду, что такое вообще когда-либо произойдёт. Но хочется. Часть меня тянется к незнакомой девушке по непонятным причинам. Наверное, такое случается, когда сердце находит что-то родное. Я не верил в легенду, что Боги разделили каждое существо пополам и разбросали половинки по всему свету из-за их силы – силы любви – но сейчас готов допустить мысль о подлинности мифа.

– Ты немного напугал, возник почти из ниоткуда, – она собирает провода в одну общую связку и смотрит на меня

из-под ресниц. Ростиком она не достигает даже моего подбородка, и, если кто-то из парней пялится в окно, скорей всего думает, что я шизик, разговариваю с забором. К тому же с трудом могу дать ей семнадцать. Черты лица создают впечатление, что передо мной миниатюрная пятнадцатилетняя девчонка.

Максвелл был прав: я в заднице. Выгляжу скорей как старший брат занозе-сестричке, нежели претендент на неё. Должно быть, улётно буду смотреться с короткой стрижкой и за решёткой, а кучка извращенцев-садистов-каннибалов выстроится в очередь за моей задницей. К такому жизнь не готовила. Даже мысль о массаже простаты способна бросить в жар, ничего не говоря о сексуальных игрищах сзади и крепкой мужской дружбе.

Но насколько ужасно прозвучит правда?

Не лучший момент выпалить, что ждал её появление, как какой-то психопат по соседству. Честно, если бы кто-то сказал, что втайне наблюдает за мной, огромная вероятность, что сейчас мог держать путь в полицейский участок. Но посмотри-ка: вот он я. Каждое утро слежу за незнакомой девушкой из кухни, а по вечерам вижу её силуэт в окне, потому что наши спальни прямо напротив друг друга. Хуже мучения не сыскать.

Смешно и страшно.

Я спешу оправдать внезапное минутное затишье.

– Извини, не хотел. Но знай, в следующий раз можно не

бороться, а взять стул или стремянку.

Она поджимает губы, а я прикусываю язык. Сказанное прозвучало резче, чем планировалось.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Я просто жалок. Никогда не испытывал трудности при знакомстве с девушкой, но эта выбивает почву из-под ног.

Я виновато чешу затылок.

– За это тоже прости. Не хотел, чтобы вышло так грубо.

– Ничего, – она ободряюще улыбается. – Твоё замечание вполне к месту. Думала, быстро справлюсь.

Я киваю подбородком на гирлянду.

– Передумала оставлять?

– Верну весной. Пластик замёрзнет и лопнет, придётся тратиться на новую.

– Разумно, – соглашаюсь я.

Она бросает взгляд на мою грудь и тут же возвращает к лицу. Выглядит она весьма смущённо. Чертовски круто, ведь я сразу нахожу объяснение: она девственница. Да я просто грёбаный везунчик, которого однажды засудят за совращение малолетних, только вот мысль стать первым весьма привлекательна. Никогда не был первым. Нигде.

– Тебе лучше вернуться, на дворе декабрь, – вежливо замечает она. – Заболеешь, если прстоишь тут ещё минуту.

Надо бы сдвинуться, но я прирос к земле. Смотрю в её красивые глаза и размышляю, какого уровня идиотизма достиг. Следом оглядываю себя и понимаю, что стою в одних

хлопчатобумажных шортах, с мурашками на руках и затвердевшими сосками. Внезапное озарение заставляет зубы стучать от холода.

Я не думал, что когда-нибудь понадобится моя помощь, ведь до сих пор она отлично справлялась самостоятельно, но втайне желал. Конечно, не планировал, что всё случится сегодня. А мысль, что сейчас на моём месте мог стоять кто-то другой и разговаривать с ней, не приводит в восторг. Коди и Трэв увлечены, готов разве что Рэй, хоть и сомневаюсь, что ринется перебегать мне дорогу. Он засранец, но вряд ли поставит на кон нашу дружбу, если нет весомой причины.

– Согласен, – на выдохе, подтверждаю я.

Я хотел сказать совершенно другое. Например, пошутить, что в таком случае она будет готовить куриный бульон и ставить градусник вплоть до полного выздоровления. Но страх спугнуть не позволяет ляпнуть что-то в подобном духе. Я гуляю по острию ножа.

– Ещё раз спасибо за помощь.

Она дважды сказала «спасибо».

Я дважды сказал «извини».

Мы оба полные профаны.

Я начинаю пятиться к дому спиной просто потому, что хочу что-нибудь сказать, но не могу сообразить, придумать искусственную тему для поддержки диалога, или ещё недолго посмотреть на неё, прежде чем уйду.

– Обращайся, – в итоге выдаю я.

Слышите свист рухнувшей надежды? Я прекрасно слышу.

Она робко улыбается, и я впервые за всю жизнь млею от ямочек на щеках, прежде не замечал их наличие. Они охренеть, как подходят к её милой внешности, что очаровываюсь от одного вида. Должно быть, если она улыбнётся ещё раз, упаду на колени и предложу руку, сердце и все остальные конечности в придачу. Зачем мне что-то, если сражён наповал?

К реальности возвращаюсь, когда она без затруднений снимает провод со столба в параллельном углу. Я сожалею об этом, ведь рассчитывал ещё раз натянуть костюм супергероя и оказать помощь. Грёбаное фиаско.

– Эй! – зову я, и она поворачивает голову, застыв на носочках с поднятыми вверх руками. – Я забыл представиться. Уилл.

– Джейн, – отзывается девушка.

Я киваю и улыбаюсь.

Всё выглядит до ужаса глупо, ведь знаю, как зовут её, а она наверняка знает моё имя. В этом преуспела Одри. Но так или иначе, в сознании всегда была «она». Не хотел, чтобы кто-то другой испортил момент первого знакомства. Я испытываю тягу узнавать о ней самостоятельно. Узнавать её.

С неохотой возвращаюсь в дом и наблюдаю открытую дверцу холодильника. Без сомнений, за ней скрывается Трэв. Об этом говорят тёмно-серые пижамные штаны с низкой посадкой, сложенные гармошкой на полу.

Не ошибаюсь.

Он закрывает дверцу, держа в одной руке коробку сока, и осматривает меня с ног до головы.

– Последние мозги решил отморозить?

– Штанишки подтяни, Джастин Бибер.

– А тебе очень хочется, чтобы упали?

– Увидеть твои причиндалы? – Я кривлюсь от отвращения. – Неинтересно, к тому же уже видел. Не впечатлило. Я до сих пор гетеро.

Подхватываю тряпку и вытираю пролитый напиток со столешницы и дна кружки. Боковым зрением замечаю, что Джейн заносит провода в дом.

– Ты размазня, Каллоуей, – протягивает Трэв, приступив выкладывать сэндвич по слоям.

Он всего лишь озвучил мои недавние мысли, но не могу удержать язвительный ответ за зубами. Мы знаем характеры друг друга, с ним нет необходимости обходить острые углы.

– Из нас двоих размазня только ты. Сколько лет тебе понадобилось?

– Заткнись.

Я улыбаюсь, а в следующее мгновение улыбка гаснет.

– Хочешь совершить мою ошибку и смотреть на неё со стороны?

Я резко поворачиваю голову, слушая хруст шеи, и сжимаю тряпку так, что оставляю капли на столешнице. Что за чертовщина?

Трэв не смотрит на меня, он увлечён готовкой. Я же свер-

лю его ошарашенным взглядом, находясь под впечатлением.

Во-первых, это Трэвис.

Во-вторых, это грёбаный Трэвис, от которого что-то подобное можно услышать в параллельной вселенной. Или даже там невозможно.

Он остаётся абсолютно равнодушным к моему дотошному презрению.

– Хватит пялиться, на мне нет короткой юбки.

– Просто удивлён твоим вопросом, – бросаю тряпку в раковину и, прижимаясь поясницей к столешнице, складываю руки на груди.

– Это больше совет, чем вопрос.

– А не говоришь ли ты это, чтобы я не делал шаги в сторону Одри?

Трэв ухмыляется себе под нос.

– Цени наличие здоровых ног.

– Ты всегда всем угрожаешь?

– Ага.

Чего ожидал? Я – не девчонка, не питаюсь иллюзиями на его счёт. Кросс мил в случае необходимости, а такие «ситуации» случаются крайне редко. До сих пор не понимаю, что разглядела Одри, как и многие другие, а может, всё совсем иначе, и мы видим только то, что он позволяет увидеть. В конце концов, он просто холоден к вниманию, а не груб к девушкам. По отношению женского пола Трэв всегда оставался сдержанным и достаточно обходительным, чего не ска-

зять о нас – парнях – с нами не утруждается выражаться вежливо. Пассивная агрессия всегда была направлена на Одри, и сейчас понятно, по какой причине. Он свихнулся на ней, а мы все становимся безумцами, когда с отчаянием желаем чего-то или кого-то. Хотя признаю, наивно думал, что Одри пробудит его мягкую сторону к другим.

– Мой мальчик готовит для меня завтрак, – Рэй входит в кухню ленивой походкой и заглядывает за плечо Трэва. – Можешь не украшать и не тащить в постель, я уже тут.

– Отсоси.

Я смеюсь.

Трэв не поменяется, даже если сообщат, что это последний день его жизни. Ставлю сотню, он окончательно расхрабрится с большей уверенностью послав всех и всё на хрен.

– Он бесится, потому что его динамит Одри, – поясняет Рэй, как будто по части Кросса вообще требуются объяснения.

– Правда, что ли? – Интересуюсь я. – Почему?

– Потому что не ваше дело, – жёстко отрезает Трэв без намёка на юмор.

Ничего удивительного.

– Опять обидел её?

Жалею о вопросе в следующее мгновение, как только серебристые глаза врезаются в меня, словно остриё кинжала. Я набираюсь не иначе как спартанского духа и говорю:

– Мы живём под одной крышей, рано или поздно узнаем. Стены тонкие.

– У её отца нелёгкий период, кретин, – Трэв больше обращается к Рэю, нежели ко мне, но так или иначе, оповещает каждого присутствующего. – Недавно был инсульт, сейчас он лёг проходить обследование. Она не будет влетать сюда с песнями и плясками. А теперь заткнитесь на хрен и больше ничего не спрашивайте.

Я не считаю нужным что-то говорить. Трэв не тот, кому нужна словесная поддержка и моральное сопровождение. Причина его скверного расположения духа последние несколько дней приобрела уважительную причину. Одри переживает за отца. Он переживает за неё. Круг замкнулся.

Слабо быю его кулаком в предплечье, тем самым выразив немое «всё наладится». Позитивный настрой Рэя тоже скатился в задницу.

– Прости, мужик, не знал, – говорит он. – Тупо вышло.

Трэв не отвечает. Он даёт молчаливый кивок.

Я опускаю глаза на мобильник, лежащий на столешнице, и думаю, стоит ли написать Одри. Но отклоняю идею спустя минуту размышлений. Она никому ничего не говорила, виду не подавала, что переживает, нацепила на лицо маску деланного спокойствия, а это означает лишь одно: она не желает, чтобы кто-то знал. Трэв, вероятно, единственный человек в мире, с кем она делится сердечными переживаниями, потому что вчера Вики беспечно улыбалась и смеялась вместе

с нами. Никто ничего не знает, и Трэв дал понять, что так должно быть дальше.

– Я бегать, – отталкиваюсь от столешницы и направляюсь к выходу, желая убраться подальше от резкой смены атмосферы в доме.

– Попутного ветра, – ехидно вклинивается Трэв, позволяя читать между строк.

Я не оборачиваюсь. Показываю средний палец, видит он или же нет.

Глава 2. Джейн

– Пахнет невероятно, котёнок. Что у нас сегодня?

Я с благодарной улыбкой поворачиваюсь к папе, въезжающему в кухню.

Он ладонями отбивает ритм по подлокотникам инвалидной коляски и с любопытством заглядывает за мою руку. Папа не выносит, когда называю её инвалидной, ведь считает себя вполне полноценным человеком, разве что без возможности передвигаться на ногах, поэтому стараюсь как можно реже упоминать в речи всё, что связано с ограниченными возможностями. Он переполнен энергией, а мне не нравится расстраивать его ярлыками.

– Блинчики, – сообщаю я, подтолкнув массивный деревянный стул, мешающий проехать, в сторону окна. Тюль цепляется за спинку, взмывает к потолку и тут же сдувается, как только опускаю раму. На ткани остаётся несколько затяжек, но я знаю, как всё исправить.

Из бокового ящика кухонного гарнитура вытаскиваю пару ленточек с магнитами и собираю тюль гармошкой, ко-
сым взглядом зацепив выходящего на улицу Уилла. Длинные
черные тайтсы с короткими шортами подчёркивают строй-
ные ноги с идеальными икрами, спортивный лонгслив обя-
зывает рельефное тело подобно второй коже, отчего непро-
извольно сглатываю, но не отвожу взгляд. Он натягивает сво-
бодную толстовку через голову и пятерней взъерошивает во-
лосы, чему-то нахмурившись. Мне бы хотелось читать его
мысли, узнать, что послужило смене настроения, ведь со-
всем недавно он очаровательно улыбался.

– Другое дело, – я поворачиваюсь к папе, когда Уилл пре-
вращается в точку и исчезает с горизонта. – Как будто ниче-
го не было.

В зелени отцовских глаз мелькает искреннее недоверие, а
также признательность. Морщинки становятся глубже, сто-
ит ему прищуриться. Он чешет подбородок с отросшей ще-
тиной в стиле Бена Аффлека¹, в дебрях которой едва можно
разглядеть тонкие губы. Бриться папа не намерен, с недав-
них пор свято считает, что борода придаёт брутальности и в
то же время добродушия. *Всё дело во взгляде*, – постоянно
повторяет он.

– Слишком скучно для тебя, раскрывай тайную начинку.

Я отрицательно кручу головой и снимаю со сковороды по-
следний блинчик, положив к остальным на плоское блюдо.

---

¹ Бен Аффлек – американский актер, сценарист и режиссер.

– Ни за что на свете. Пробеуешь и угадываешь, помнишь?

– Подозреваю, что это игра на выживание, от которой разыгрывается мигрень. Однажды отравишь своего старика.

– Враньё, – смеясь, отмахиваюсь и ставлю блюдо на квадратный стол, маневрируя на небольшой территории, обычно натываясь на угол обеденного стола бедром. Я уже давно подумываю о круглом, чтобы не травмироваться каждый божий день, потому что синяк приобретает хроническую стадию.

Папа подъезжает к столу и с невероятной лёгкостью меняет коляску на стул. Он очень быстро приспособился, чаще всего его можно застать в излюбленном кресле у телевизора или же на стуле за рабочим столом у компьютера с наушниками на голове. Для кого-то такое передвижение может показаться едва ли не концом света, для папы же оно стало озарением, как далеко он зашёл. Комично, что инвалидная коляска спасла нас.

– М-м-м... – протягивает он, откусив кусочек.

Я улыбаюсь, с детской наивностью полагая, что это комплимент и благодарность за завтрак, как папа с любопытством нацеливает взгляд на мне, продолжив тщательно жевать. Столь пристальное внимание ставит в неловкое положение.

– Ты познакомилась с соседями?

Я не медлю, сую в рот в блинчик, чтобы в запасе было несколько секунд на обдумывание ответа, и киваю. Получа-

ется что-то среднее между да и нет.

– Не совсем, – я как можно равнодушнее пожимаю плечами, испытывая толику волнения. Самую малость, клянусь. – Насколько поняла, Одри тут не живёт. Один из соседей приходится парнем.

– Одри? – Папа удивлённо поднимает кустистые брови. – Вот уж не думал, что парня невзлюбили родители. Кстати, это голубика.

Я замираю на долю секунды, после чего делаю большой глоток апельсинового сока, прочищая горло и восстанавливая сердечный ритм, который заметно участился, кроме того, снова беру драгоценные секунды на размышление.

Конечно же, понимаю, кого папа имеет в виду. Должно быть, наблюдал из окна своей спальни. Она располагается на первом этаже по понятным причинам, а из окна виден двор.

– Мгм... Ты, наверное, об Уилле.

Папа весело улыбается.

– Ты даже не сказала, прав я или нет.

– Ты прав, – живо отзываюсь я.

– Так что там... с *Уиллом*?

Я надеялась, что он не продолжит. Но как бы не так.

– Помог снять провода. Всего-то.

Папа начинает смеяться и бросает в меня кусочек блинчика, чему изумляюсь до глубины души. Ни разу не видела его в игривом настроении, хоть мы и сблизились за последнее время.

– Ты покраснела, когда спросил, – подтрунивает он. – Никогда не видел ничего подобного. Этот парень нравится тебе, Джейн!

На фоне новых эмоций не отдаю отчёт себе и совершаю фатальную ошибку.

Я резко поднимаюсь на ноги и зачем-то сгребаю полное блюдо. Папа с забавой и в то же время обескураженно следит за моими действиями. Страшно представить, насколько абсурдно выгляжу.

Возвращаю тарелку на стол и опускаюсь на стул.

– Какой кошмар.

– Согласен. От влюблённости дуреют.

– Боже, папа! – Я громко возмущаюсь. – Ты всё преувеличиваешь! Невозможно влюбиться за пару минут!

– В среднем человеку хватает пятнадцати секунд, чтобы влюбиться.

– Однажды я перережу один из проводов компьютера или лишу нас электричества насовсем.

– Ты реагируешь также эмоционально, как твоя мама.

С произнесёнными словами на голову опускается тишина. Гробовая. Тяжёлая. Ранящая.

– Прости, котёнок, – папа накрывает мою ладонь своей, а в его глазах светится боль. – Я хочу сохранить о ней светлую память.

– Она жива! – Я выкрикиваю и только спустя мгновение понимаю, что повысила голос.

Моргнув, стараюсь избавиться от жжения в глазах. Опускаю взгляд в пол и выдавливаю.

– Прости...

– Тебе не за что просить прощения, Джейн. Я понимаю, как тебе не хватает её, потому что мне тоже. Приятно знать, что один из нас не теряет надежды, когда потерял второй.

Папа утешающе сжимает мою кисть.

– Я, как никто другой понимаю, почему ты каждую ночь оставляешь фонарь включенным.

Он пересаживается в кресло и покидает кухню со словами:

– Я уже должен быть на рабочем месте.

Для кого-то рабочее место – это личный кабинет или небольшой закуток в офисе, у папы – стол, компьютер и наушники. Он не отчаялся и нашёл заработок, чтобы не выживать, а жить. Мы не богаты, но и не сводим концы с концами, к тому же выручает любовь к садоводству, чтобы не голодать в любое время года.

Я провожаю его размытый силуэт из-за скопившихся слёз.

Слова задели за живое, но вовсе не те, что он мысленно похоронил её, а те, что потерял веру. Если смерть приносит скорбь, то неизвестность – надежду. Я живу надеждой, живу в неизвестности. Может быть, однажды, она постучит в дверь или раздастся звонок, что её нашли.

Завтракаю в одиночестве, что на деле сложно назвать завтраком. Я едва прикасаюсь к еде и повисаю на хлипкой ни-

точке отказаться от затеянной прогулки с Одри и её подружками. Настроение ни к чёрту, стоит вспомнить о маме.

Я скукаю по ней. Безмерно. Безумно.

Остаток времени в пределах десяти минут, собираюсь в школу, надев привычный наряд приведения. Конечно, слишком громко сказано, ведь я совсем не невидимая. Это из раздела не-выделяйся-из-толпы. Джинсы, поверх футболки флисовую рубашку в темно-красную клетку, переплетающуюся с чёрными вставками, и удобные полуботинки. Сверху накидываю тёплый пуховик и мягкую шапку. Не слишком броско. Не слишком мрачно. Золотая середина.

На выходе прощаюсь с папой и бегу в сторону остановки, минуя дом с четырьмя обитающими внутри парнями. К слову, которые ни разу не устроили шумную тусовку. Надеюсь, они и дальше не планируют нарушать тишину. Но душевное равновесие ломает резкий звук зажигания машины, стоит только пересечь подъездную дорожку и вздрогнуть от неожиданности, впад в ступор.

Парень Одри бросает огромную сумку на заднее сиденье и закрывает дверцу, следом скрывается в салоне. Я не запоминала его имя, но мысленно называю засранцем. Что ж, Одри тоже его так называет.

Заставляю себя продолжить путь, поэтому отвожу взгляд от машины и в следующее мгновение сталкиваюсь с другим соседом. Его имя тоже не запоминала, но именно его спутала с Уиллом при разговоре с Одри. Они чем-то похожи: ко-

роткие каштановые волосы, почти одинаковый рост приближённый к семидесяти дюймам или немного побольше, в то время как мой собственный равняется шестидесяти двум. Я смотрю на них задрав голову и кажусь незначительной галактической букашкой в бесконечном космическом пространстве. Но в отличие от парня Одри, этот выглядит куда более приветливее, хотя по сравнению с Уиллом, в его глазах читается хитрость. Он подмигивает, когда сдвигаюсь с места, и наверняка думает, что отпугнул заигрыванием. Отчасти, так и есть. Я страшусь кокетничать с ними. Во-первых, не умею. Во-вторых, флирт равен зелёному сигналу. Я включаю красный. Почти для всех.

Да, почти для всех, потому что Уилл вызывает симпатию. Я не в силах объяснить, почему так происходит, и каждый раз, когда вижу его силуэт в окне напротив, ощущаю некий трепет в области груди и живота. Мы не знаем друг о друге ровным счётом ничего, кроме имён. Или... может быть, я знаю больше дозволенного, но это всего лишь предположения Одри.

В автобусе занимаю привычное местечко у окна и включаю музыку в наушниках, скоротав дорогу до школы.

Прижимаясь лбом к стеклу, получаю небольшое холодное красное пятнышко от трения и выскальзываю на школьный двор последней. Мне некуда спешить. Занятия начнутся через полчаса, а прогулка исключена из-за холодов. Каждый раз переступая порог и пересекая длинный коридор школы,

чувствую кипящую в нём жизнь. Громкие разговоры. Заливистый смех. Шутливые стычки. Я не участвую в них, и на мой мир опускается покой, когда на плечо ложится знакомая ладонь с кожаным браслетом на запястье.

– Думал, не застаю тебя сегодняшним утром, – я улыбаюсь, когда в поле зрения попадает Киллиан.

Он поправляет лямки рюкзака, оттянув большими пальцами и удерживая в таком положении. А ещё он любит качаться на пятках, и сам того не замечает. Длинные русые волосы торчат в разные стороны, на носу чёрная оправа очков, на полных губах добродушная улыбка и такие же сияющие отзывчивостью голубые глаза. Засучив рукава серой толстовки с надписью Harvard, из-под которой выглядывает белая футболка, на нём самые простые чёрные штаны и старенькие Тимберленды. Киллиан ненамного выше меня и не настолько широк, чтобы закрыть обзор. Он слегка худощав, хоть и начал вливаться в спортивный режим, спонтанно записавшись в тренажёрный зал. Я приветствую его тягу преобразиться. И мне стоит поднять что-то тяжелее садовой лопатки и учебника.

– У нас математика по средам, забыл?

Он криво улыбается, будто что-то скрыл.

– Кхм... я выписался из группы, решил перевестись на придвинутый курс для поступления.

– Ладно, – не скрываю, новость расстраивает, но я никогда не была эгоисткой. Папа говорит, что во мне напрочь от-

сутствует данный ген. — Тогда я буду там одна.

Прозвучало с упрёком, потому что Киллиан оживает.

— Не хочешь со мной?

Я отрицательно качаю головой и хихикаю.

— Нет, ни за что.

— Так и знал, — он оглядывает меня с ног до головы и снова улыбается. — Встретимся после школы?

— Прости, сегодня пас. Другие планы.

— Какие? — Киллиан склоняет голову к плечу и ждёт ответ, покачиваясь на пятках. Ненароком улыбаюсь такой глупой привычке. Некоторые люди неспособны усидеть на одном месте долгое время, поэтому качаются, дёргаются, отбивают ритм ладонями или пятками.

— Соседка пригласила прогуляться.

— Но у тебя *sosedi*, там разве были *sosedki*?

— Девушка одного из соседей, — я виновато закусываю губу, потому что мы всегда занимались домашкой вместе. — Прости... просто подумала, что неплохо было бы обзавестись хотя бы одной подругой.

— Это хорошая идея, Джей-Джей, — он отдаёт честь двумя пальцами от виска. Ещё одна привычка. — Продуктивного дня.

— И тебе, Килл-Килл.

Он исчезает в толпе, а я захожу в класс и занимаю привычное место вблизи учителя, оставляя задние парты для тех, кто собирается проболтать весь урок. К тому же не тяготею

к излишнему вниманию со стороны сомнительных парней, а взгляд одного из них уже ощущаю затылком.

Ноа каждый раз бросает недвусмысленные намёки, которые успешно игнорирую на протяжении года. Киллиан говорит, что я ничем не уступаю другим девушкам по внешности, поэтому укрыться в тени не получится. К слову, я не утопаю в куче комплексов. Не рассматриваю себя в зеркало и не нахожу изъяны там, где их нет. Не придумываю и не страдаю от несуществующих проблем. Не мечтаю прибиться к «шести цыпочкам»² и стать седьмой, чтобы быть обожаемой и обсуждаемой. Не считаю себя серой мышкой с несуразной фигурой и не принижая собственную значимость. Мне просто-напросто нравится быть собой, а не подделкой. Заниматься тем, что по душе. Жить без драм, интриг, сплетен и фальши.

---

² Шесть цыпочек – популярная группа школьниц под предводительством Люси Уайман фильма «Из 13 в 30».

Глава 3. Джейн

Я немного нервничаю, покидая дом после обеда.

Одри вовсе не выглядит как девчонки, которые водят дружбу с похожими на меня. Обычно они купаются в лучах славы и мужского внимания. Это их стихия, а мы – серая масса, на фоне которой они выделяются, ведём пресловутый образ жизни. Но она была дружелюбна, наверное, поэтому согласилась. Внешность ведь обманчива?

Сбежав по ступенькам, я замечаю её в компании подруги.

Разве с ними не должно быть ещё одной? Она, кажется, что-то говорила о двух.

– Эй! – Одри растягивает губы, покрашенные ало-красным, в дружелюбной улыбке. – Мне нравится твоя шапка.

Я скептически отношусь к комплименту, отчасти потому что в глупых подростковых фильмах девушки вроде неё, спустя минуту говорят, что это полнейшая безвкусица. Их лесть всегда фальшивая. Я уже сталкивалась с чем-то подобным в

школе.

Не знаю, что ответить, поэтому говорю первое, что приходит в голову.

– Спасибо.

– Можно потрогать?

Я удивлённо киваю.

Одри проводит пальцами по ткани, и её глаза загораются, глядя на белую пушистую шапку. Я сразу думаю, что даже такой аксессуар будет смотреться на ней совершенно иначе. Не одежда красит нас, а мы – одежду.

Она ненамного выше меня и легко пробьётся в модельный бизнес, если пожелает. У неё темно-русые прямые локоны, глаза цветом янтаря, пухлые губы, за которые многие другие отдают баснословные деньги и получают что-то похожее, но у Одри, кажется, всё натуральное. Густые ресницы подкрашены тушью, а на щеках румянец. Одета в белоснежную куртку с ремешком, подчёркивающим осиную талию, и синие джинсы с полусапожками, она завоёвывает внимание мимо проезжающих машин, к стеклу которых прилипают лица и провожают её плотоядными взглядами. Она очень красивая, так считаю не только я.

Я теряю дар речи, потому что знаю девушку рядом с Одри. Мы не знакомы, но её имя известно благодаря нашумевшему ситкому. Постеры украшают несколько щитов на пути к школе, а некоторые девочки взяли её в пример, как и скользкую жизнь. У неё безумная героиня, мнение которой

гласит: «В личной жизни у женщин столько же прав, сколько и у мужчин». Поэтому на экране партнёров у неё немеренное количество, невозможно запомнить и половину, вот настолько быстро они меняются.

Белокурые волнистые пряди ниспадают на фарфоровое личико, несколько прядок собраны на затылке и переплетаются в тонкой косичке среди распущенных. Она как кукла, о которой мечтает каждая малышка. В больших голубых глазах сияет блеск и нет той надменности, которая есть на экране. На губах в форме сердечка прозрачный блеск. Куртка нежно-голубого оттенка, заужена в талии и с короткой юбкой на бёдрах, идеально подчёркивает цвет глаз. На ногах белые джинсы и высокие лакейские сапоги светло-серого цвета. Точь-в-точь кукла Барби. На первый взгляд она кажется намного приветливей своей героини.

– Привет, – девушка радушно улыбается и представляет: – Вики.

– Джейн, – возвращаю улыбку и стараюсь не глазеть, как сумасшедшая фанатка или из их разряда. Не верится, что мы стоим напротив друг друга. – Приятно познакомиться.

– Взаимно, – отзывается она.

– Прогуляемся по магазинам или заглянем в какой-нибудь салон? – предлагает Одри. – Лав отмазалась подготовкой к зачёту, так что сегодня воспользуемся силой трёх³.

---

³ Термин «Сила трех» из оригинального телесериала «Зачарованные». Самая сильная существующая магия.

Я взяла с собой небольшое количество денег. Не хочу транжирить накопленное, но и впервые сегодня посмотрела на копилку с соблазном, задав вопрос: когда, если не сейчас? А вдруг...

Заставляю себя продолжить мысль через силу.

Вдруг попаду под сметающую всё на пути волну природной стихии, как мама и множество других людей. Стану одной из жертв какого-нибудь психопата. Получу по голове от зависимого наркомана из-за жалкого доллара. Я заставляю себя жить сегодняшним днём именно сейчас, без оглядки назад и загадывания будущего, потому что обычно живу завтрашним. Я всегда думаю, что будет завтра. А кто сказал, что завтра наступит?

– Мне не принципиально, – уведомляет Вики. – Можно заглянуть в книжный, мне нужна кое-какая литература для занятий.

– Мне тоже не принципиально, – завершаю я.

– Никаких книжных! – отклоняет Одри и поворачивается ко мне, многозначительно подняв бровь. – Магазинов для садоводов, кстати, тоже. Это день для себя любимой, а не для учёбы и грядок.

Я не могу сдержать улыбку.

– Сейчас негде сажать.

– Я видела, как ты заносила клумбы с цветами в дом. Уверена, у тебя ещё полдюжины пустых.

Ох, эта девушка довольно внимательна.

Мы заворачиваем головы, когда на подъездную дорожку сворачивает машина. Её владелец, которого до сих пор считая немного заносчивым, появляется на горизонте. Или совсем не немного. Слова Одри не слишком уж убедили и отбелили его сомнительную репутацию высокомерного говнюка.

Парень перекидывает спортивную сумку через плечо и неторопливым шагом следует по пустому газону с высохшей травой.

– Ты говорил, что сегодня съёмки, – повысив тон, Одри обращается к нему.

Он выглядит раздражённым и подтверждает скверное расположение духа фырканьем.

– Перенесли на два часа.

На лице Одри отражается некое беспокойство.

– Ты в порядке?

– Если не считать, что меня окружают кретины, то в полном.

– Мог бы занять свободное время тренировкой, а то становишься хиленьким хлюпиком.

– Хилым хлюпиком? – он издаёт смешок и одаряет Одри взглядом да-ты-самоубийца. – Забеги ко мне вечером, чтобы поменять мнение. И я уже потренировался до эфира.

– Кросс, клянусь, если эта девка была где-то поблизости, я похороню вас на футбольном поле быстрее, чем ты произнесёшь её имя.

Парень запрокидывает голову назад и, к полному удивлению, начинает звонко смеяться. Климат Лондона позавидует скорости смены его настроений.

– Детка, хватит угрожать мне расправой. Кстати, её зовут Блейк.

Одри шныряет по карманам куртки и вынимает тюбик помады, в следующую секунду запускает им в парня.

Она промахивается.

– Теперь тебе придётся покупать новую. Эта разбилась.

– Что ещё за Блейк? – спрашивает Вики, щурясь от солнечного света, когда парень скрывается в доме.

– Смертница без пояса смертника, – ворчит Одри. – Ты должна была заметить её на последнем матче. У неё на спине мой прицел и самая короткая юбка в группе поддержки.

Я не особо понимаю, о чём они говорят, и не уверена, что хочу. Я не плаваю среди слухов, сплетен, мерзких обсуждений, и не стремлюсь окружить себя такими людьми.

– У нас сегодня запланирован киновечер, у парней роскошная плазма, – Одри подмигивает мне. – Ты тоже приглашена.

– Только не говори, что у тебя куча домашки, – Вики, разумеется, занимает сторону подруги. – Я жертвую четкой сценария.

Только что на глазах прогорел единственный вариант отказать.

Но я нахожу новый.

– Я не буду лишней?

– Нет, конечно, – Одри разбивает мои попытки в пух и прах. – Нам нужны сторонники против великолепной четвёрки.

– Всё не так плохо, как она рассказывает, – Вики разводит руками, заметив расцветающий страх на моём лице. – Когда больше народа, однозначно веселее.

– А они не будут против?

– А кто их будет спрашивать? – Одри отмахивается от мнения парней, как от чего-то незначительного. – Это как данность. Можешь не беспокоиться, никто даже не подумает плохо отозваться о твоём присутствии.

– Что за фильм?

Девочки переглядываются и договариваются без слов, что-то подстрекает меня помочь, и я выпаливаю:

– Можно сделать мини-традицию, кто-то один раз в неделю выбирает фильм, и все смотрят.

– И не могут уйти, – энергично кивает Одри, растягивая губы в дьявольской улыбке. – Трэв не прикроется дурацкой подготовкой к съёмкам, даже если мы каждый раз будем смотреть «Дневник памяти». Как минимум три раз за семь недель. Господи, это сведёт его с ума, а всё, что сводит его с ума – очень привлекательно для меня.

– Будет правильно, если ты выберешь фильм, – Вики загорается живым интересом. В голубых глазах искрится детский восторг, когда она смотрит на меня.

– Они возненавидят меня с первого появления в доме, – я поднимаю руки и даю заднюю.

– Ты станешь их любимицей, обещаю, – заверяет Одри, но я не сильно верю в её оптимистичность.

Всё же соглашаюсь на приглашение, потому что периодически стоит вылезать из кокона и перемещаться в другой мир, как делает Киллиан. Либо просмотр фильма в компании девочек их парней, либо одиночество и домашка.

Немного позже мы прогуливаемся по Сакс⁴, украшенному к Рождественским праздникам, и рассматриваем предложенный ассортимент. Я не отказываю себе в покупке новенького стеклянного шара со снеговиком внутри. Это буквально моя страсть. В течение восьми лет родители дарили по одному на Рождество, что стало традицией, из них шесть – одиночный выбор папы, пока его окончательно не выбросило из жизни, и дни не слились в один. Папа помнил. Шесть из девяти, он помнил. Может быть, поэтому я отпустила прошлое, и последние три года оставалась верной традиции самостоятельно. Каждый человек заслуживает прощения. Но не каждый заслужил второй шанс. Папа заслужил.

Я всегда ждала Рождество. Ранним утром бежала к ёлке, разрывала подарочную упаковку и находила дорогой сердцу сувенир. Я знала, что увижу в коробочке, но энтузиазм не угасал. Итого: семнадцать шаров на полке дома, и новенький с радостным Олафом, под лапками которого проросла тра-

---

⁴ Saks Fifth Avenue – американская сеть розничных универмагов.

винка, становится восемнадцатым. Шар как напоминание о том, что через несколько месяцев стану совершеннолетней, но сохраняю традицию вплоть до старости и передам своим детям.

Я трясущ шар, и мелкие лепестки в форме снежинок, окружают фигурку внутри. Наблюдая за сказкой, происходящей за стеклом, улыбаюсь так же широко, как и Олаф. Мы оба счастливы настолько, насколько возможно.

– Красиво, – улыбается Вики.

– Обожаю их. У тебя есть любимый подарок? Самый запоминающийся?

Она рассеянно жмёт плечом, но я замечаю, что девушка уносится куда-то в прошлое.

– Коди как-то в школе вырезал и подарил мне напольный светильник. Он, конечно, его разбил, но смог восстановить.

– Недонёс?

– Нет. Думаю, это наша совместная вина. Наша идеально неидеальная история.

– Он молодец. Подарок, сделанный своими руками – бесценный.

Вики роется по карманам и достаёт телефон, спустя полминуты она поворачивает экран и показывает видео, где высокий прямоугольный светильник плавно меняет цвета.

– Ого. Он сам сделал?

– Отец помогал, но сам. Это мой самый любимый подарок. Мы поворачиваемся к Одри.

– Что? – недоумевают девушка. – Лучше спросите, какой шикарный подарок ему сделала я.

– Ты о членах на капоте? – фыркнув от смеха, спрашивает Вики. – Да уж, это Трэв точно запомнит на всю жизнь.

– Я довольно избирательна, – Одри озорно улыбается и объясняет смех подруги: – Однажды он выбесил так, что я купила маленькие резиновые члены и приклеила к капоту. Трэв *очень сильно* любит свою машину. Но из запоминающихся: недешёвый набор для свечеварения, билет на концерт и кучу оргазмов. Последнее мне нравится больше всего.

– *Оргазмы* – подарок? – Вики брезгливо морщит нос, рассматривая статуэтки, различные символы грядущего года, расставленные на витрине.

– Если он сможет также годам к семидесяти, то да, это лучший подарок.

Я расплачиваюсь за покупку, и мы перебираемся в магазин одежды.

Компания девочек приносит некое удовлетворение. Они не обсуждают других, затрагивают поверхностные темы, а сексуальные имеют безобидный подтекст без грязных деталей. Не хочется побывать в чужой постели, даже если в разговорной речи, хотя... может быть, мне и не помешает несколько наставлений от подруг, ведь никто другой не подскажет. У меня нет мамы, с которой можно обсудить щепетильную тему.

– Хотелось бы мне ещё раз сходить на выпускной бал, –

Одри рассматривает нарядные платья. Снимает одно за другим, прикладывает к себе и изучает отражение в узком зеркале на одной из колонн.

Я улыбаюсь.

– Произошло что-то особенное? Поэтому ты хочешь повторить?

– Нет, – она снимает вешалку с красным платьем в тон помаде и снова прижимает к себе. Наши взгляды встречаются в отражении. – Мой спутник был фирменным идиотом, а его мерзкие шутки – отдельный вид искусства – заслужили почётное звание «Дебил года». Но было весело, если откинуть неудачный выбор партнёра.

– Ты не встречалась с Трэвисом?

– Нет. Трэв был не лучше, и мы, к счастью, учились в разных школах. Просто хочется повторить вечер и поиздеваться над Ви. Она пропустила всё веселье.

Я перевожу взгляд на Вики, которая перебирает украшения, сваленные в одну общую плетёную корзину.

– Ты не ходила на выпускной бал?

– Не-а, – она подносит разные пары серёжек к ушам и изучает себя в отражении второго зеркала.

– У них был *свой* выпускной, – закатив глаза, дразнит Одри. – Тет-а-тет.

– О, ну хватит, Брукс! Я не бросила тебя.

– Ещё как бросила, а ради кого? Капитан футбольной команды наших противников, ошалеть можно. Ты просто су-

масшешшая.

Одри выразительно смотрит на Вики, как будто чего-то ждёт.

– Тебе хотя бы немного стыдно? По ночам не просыпашься в холодном поту из-за мук совести?

– Нет, не мучаюсь, – хихикает Вики.

– Я отказываюсь с ней разговаривать, – Одри поворачивается ко мне и интересуется: – Как тебе платье?

Я одобрительно киваю.

– Красивое, но не мой стиль.

– Не любишь слишком открытое?

– Броское, – уточняю я.

Она протягивает платье мне и многообещающе улыбается.

– Ты должна его примерить. Мой совет: выбирай то, что никогда бы не надела. Ну же, Джейн, покупать не заставлю, просто примерь.

Я сдаюсь без боя.

Проскальзываю в примерочную и меняю одежду на платье.

Не пышная модель из тонкого полупрозрачного слоя тюли с тканевым ремешком на талии, едва прикрывает бёдра. К неприлично ультракороткой юбке с неровным краем нет доверия, нагибаться с такой длинной противопоказано, спасает лишь плотный подклад. По открытым плечам и рукам ползут мурашки, когда завязываю две части лифа на шее и вы-

таскиваю волосы из-под петли.

Я поворачиваюсь спиной к зеркалу и нервно сглатываю, наблюдая открытый участок тела. Свободные части лифа качаются при движении, каждое прикосновение гладкой ткани к пояснице вызывает дрожь.

– Ты в ужасе? – спрашивает Одри по ту сторону двери.

– Почти, – вздыхаю я, выбираясь в свет.

Её янтарные глаза округляются, и девушка присвистывает.

– Ого! – улыбается Вики. – Смотрится классно.

– Я обещала, что мы не будем уговаривать её, – смеётся Одри, останавливаясь по правую руку, а Вики – по левую.

Мы рассматриваем наше отражение.

– Позволишь кое-что добавить? – спрашивает Одри, достав флакон помады.

– Ты разве не разбила её?

– У меня всегда две. Той планировала писать на зеркале гневные послания Трэвису и не травмировать машину.

– Какие?

– Что он козёл, например.

– С тобой не заскучаешь, – шутливо парирую я.

Она игриво подмигивает и кивает подбородком на помаду.

– Хорошо, но я сотру.

Одри принимает условие и колдует над моим лицом следующую пару минут с таким энтузиазмом, что становится

страшно.

Я всерьёз переживаю, ведь помада красным цветом, и надеюсь, что смогу без труда избавиться от неё после примерки. Придя в таком платье в школу, я, весьма вероятно, стану предметом для насмешек и пошлых комментариев.

Мимо нас проходит громкая компания девчонок, за которыми тянется шлейф чересчур сладких духов. Приходится задержать дыхание, чтобы не умереть от подскочившего сахара в крови, полученного воздушно-капельным путём. К счастью, они скрываются за поворотом.

– Смердят как дешёвые проститутки, – Одри озвучивает мои мысли, размахивая ладонью перед нашими лицами.

Она отступает в сторону и лучезарно улыбается.

– Джейн из параллельной вселенной.

Глава 4. Джейн

Меня переполняет волнение, впрочем, весь сегодняшний день я взволнована, а когда переступаю порог незнакомого дома и осматриваюсь, вовсе перехватывает дух.

Вокруг чисто, много света и царит непринуждённая атмосфера. Отчасти, потому что слышу мужской смех, который льётся из комнаты. Даже удивительно, что ноги не прилипают к плитке, я всегда думала, что парни те ещё грязнули.

Девочки снимают куртки и бросают на квадратный пуф у двери, зазывая рукой следовать за ними. Спустя мгновение перемещаюсь в тот самый малознакомый мир.

На просторной современной кухне, о которой мне стоит только мечтать, веселится тройка парней, где один из них размахивает полотенцем, шлёпая второго по заднице и слушает залихватский смех в сочетании с ругательствами, третий наблюдает за ними сидя на барном стуле и раскручивает телефон пальцами. На столешнице кухонного острова раз-

мешено несколько открытых коробок с пищей, от которой осталось не так уж и много кусочков. Среди присутствующих нет Уилла, и мои внутренние ощущения достаточно сложно объяснить. Не хочется, чтобы он думал, будто начала преследование, а подозрения были бы вполне оправданы после недавнего знакомства. Представляете, вы только познакомились с девушкой, и она тут как тут в вашем доме на следующий день. Совпадение?

Мужская компания затихает, заметив нас.

– Сегодня кино вечер, засранцы! – Объявляет Одри и указывает на полупустые коробки. – Могли бы и нам оставить.

– По планам был секс, наркотики и рок-н-ролл, а не сопливый вечер, – усмехается тот, что подмигнул утром.

Из его рук вылетает полотенце и оказывается в руках бывшей жертвы. Сияющие озорством голубые глаза парня не предвкусывают ничего положительного для его мучителя.

– Синий тебе будет к лицу, Ларсон, – улыбается он, намереваясь отомстить за побои.

– Мне больше нравится фиолетовый, Максвелл.

– Не в твоём положении выбирать оттенок. Мертвецы неразговорчивы.

– Заканчивай животные игры, Рэй, – Вики проходит, по-видимому, к своему парню, потому что чмокает его в щёку, и ворует кусочек пиццы. – Закажем ещё? Мы жутко голодные.

Он согласно кивает, и три пары мужских глаз нацеливаются на мне.

– Это Джейн, – представляет меня Одри. – Будете обижать – будете страдать.

– Так страшно, – пискляво передразнивает Рэй.

Я не в силах подавить полуулыбку. Он подкупает лёгкостью и обаянием.

– Трэв и Коди, – продолжает Одри, указывая на парней и игнорируя Рэя, а следом пихает Трэвиса в предплечье. – Улыбнись, малыш, тебя снимает скрытая камера. Она немного побаивается тебя.

В серых глазах возникает любопытство.

– Правда, что ли?

– Не совсем, – признаюсь я. – Одри думает, что это страх, на самом деле, я думаю, что ты самовлюблённый и не самый дружелюбный из присутствующих.

Трэвис складывает руки на груди. Клянусь, замечаю, как дёргаются уголки его губ.

– Хватит быть козлом, Трэв, – Одри шлёпает его по бедру. – Улыбнись.

Он растягивает губы, и улыбка приобретает зловещий оттенок.

– Жалкая подделка Джокера, – смеётся Коди.

– Нормально, Кросс, – настаивает Одри, и парень наконец-то следует указаниям.

Мы перебираемся в гостиную, преобладающую часть которой занимает U-образный диван с дюжиной подушек, а стену напротив – домашний кинотеатр.

Пять пар глаз устремляются на меня, и в парочке из них пляшет озорство.

– Какой фильм? – Медленно и со скрытым предупреждением, спрашивает Трэвис, из-за чего голосовые связки откажутся работать. Я едва не проглатываю язык под тяжёлым взглядом. Недавняя улыбка кажется не чем иным, как моей галлюцинацией.

Дневник памяти, – крутится на языке, но он прилип к нёбу, а чувство самосохранения кричит назвать первое, что приходит в голову.

Я обвожу взглядом парней.

Рэй растянулся на ковре с высоким ворсом, завёл руки под голову и поставил одну ногу на колено другой, раскачивая в воздухе. На его губах бродит еле заметная усмешка, а хитрость, свойственная лисам, одновременно заставляет смотреть в оба и вызывает слепое доверие. Этакий Ник Уайлд⁵: красивый и харизматичный лис-мошенник. Коди скрестил ноги в лодыжках и вытянул руку по спинке дивана, второй приобнял плечи Вики, которая свернулась рядом и положила голову на его грудь. Они оба располагают к себе и кажутся самыми безобидными в компании. Трэвис закинул ноги на журнальный столик и подпёр голову кулаком. Его лицо не выражает ничего: ни радости, ни тоски. Вот почему остерегаюсь. Он окутан туманом, через который непросто рассмот-

---

⁵ Ник Уайлд – один из двух главных героев анимационного фильма «Зверополис».

реть подлинные эмоции. Рядом с ним Одри. Приняв позу по-турецки, она беззвучно барабанит ладонями по ногам и ждёт мой ответ.

– Безбрачная неделя? – То ли спрашиваю, то ли предлагаю я, в следующую секунду посылаю извиняющий взгляд девушкам. Я только что предала договорённость. Но Одри подмигивает, а Вики отправляет улыбку. Честно признать, намного легче, что они не разочаровываются в моей трусости.

– Название порнушки, – широко улыбается Рэй.

– Это комедия, – возражаю я, ёрзая в уголочке дивана.

Трэвис приступает к поиску фильма.

– Не доверяйте пульт этому придурку, иначе он реально включит порнуху.

– С семьёй гномами, – дразнит Рэй. Парень почти неугомонный, и это даже забавно. – Твой выход, Одри.

Она, в свою очередь, выхватывает пульт из рук Трэвиса и бросает в обидчика.

– Детка, какого хрена?! – Воскликает парень.

– Хочу убить его, – смеётся Одри и обращается к Рэю, который уже активно щёлкает по кнопкам. – Включай фильм, Ларсон, иначе будешь закатан в ковёр и закопан на пустыре.

– Зануды, – стонет Рэй.

Одри переключается на Трэвиса, тыча пальцем в рёбра.

– Ты как-то обещал парное свидание.

– Можешь считать, что это и есть парное свидание, – он реагирует смешком и перехватывает руки девушки, удержи-

вая на расстоянии.

Она прищуривается, смотрит на меня и переключается на Рэя. И последний принимает решение за нас.

Парень обаятельно улыбается и подзывает рукой.

– Прыгай, морковка, обещаю далеко не заходить.

Я склоняю голову набок.

– Далеко – это насколько?

Он похлопывает по свободному месту на подушке.

– Максимум подышим на одном квадрате. У нас же парное свидание.

Я ненадолго задумываюсь и всё же принимаю приглашение, лишний раз поблагодарив себя за выбор джинс и вязаного джемпера свободного кроя. Вряд ли разодетая в платье, ответ был бы положительным.

Следующий час каждый сосредотачивается на экране и съедает оставшиеся кусочки, а когда привозят новую партию, парни налетают на еду так, словно до этого не уничтожили несколько пицц. Мужской аппетит что-то из разряда фантастики. За окном заметно темнеет, и я испытываю радость, что живу по соседству, миновав траты на такси.

– Каллоуей приехал, – не пошевелившись доносит Рэй, когда за окном останавливается машина. – Наверняка выдохся.

Не знаю, что он имеет в виду, и стараюсь сосредоточенно смотреть фильм, но дрожь пробегает по телу. Не знаю: из-за предвкушения встречи, потому что часть меня желала его

присутствия; или из-за нервозности, ведь не знаю, что он подумает, увидев меня.

Но и не требуется гадать.

Уилл так быстро пробегает мимо, что, можно подумать, никого не было.

– Каллоувей, бежишь отчитываться перед предками за пропущенный звонок? – Выкрикивает Рэй.

– Пошёл ты, Рэй! – Разносится вслед, после чего на втором этаже хлопает дверь.

Я вижу, что никто из присутствующих не расстроен ответом, не считает грубым и не сильно торопится узнать, что произошло. Все продолжают смотреть фильм и смеяться на забавных сценах. И я, наверное, тоже должна, только разум отделяется от тела и спешит вверх. Он чем-то расстроен, а я не могу узнать причину. Просто не имею возможности. Всего лишь короткое знакомство и обмен парочкой фраз не делает нас лучшими друзьями.

Уилл всё же спускается через какое-то время, но на кухню, где шелестит упаковками. Я же замечаю, что всё прошедшее время с момента его появления, находилась в напряжении и отдирала катышки с кофты.

– Ты в порядке? – Спрашивает Коди, обращаясь к другу на кухне.

Уилл отзывается в ту же секунду.

– Да, папочка, просто урод замотал меня до вечера. Я ни черта не ел с обеда, кроме святого духа.

Ещё через минуту его шаги и шелест упаковки становятся громче.

Он останавливается в проёме с пачкой чипсов в руках и прибавляется к косяку, устремив взгляд к экрану.

– Не знал, что сегодня вечер кино, что за фильм?

– У нас тут типа введение традиции по средам, – объясняет Рэй. – После просмотра кто-то танцует голым.

– Уверен, ты уже выбил честь снять трусы первым, – смеётся Уилл и переводит взгляд на друзей. Но натывается на меня.

Я поворачиваю голову, всё это время наблюдая за ним лишь при помощи бокового зрения. Ради всего святого, не могу же глазеть на него как припадочная. Даже знакомство с Вики не вызывает столько противоречивых, но бурных эмоций, а она едва ли не Голливудская знаменитость.

– Привет, – спокойно произносит он, стирая удивлённое выражение с лица и оставляя лишь радушную улыбку.

Я выдавливаю слабую в ответ, внезапно почувствовав себя парализованной.

– Точно, – словно что-то вспомнил, Уилл щёлкает пальцами, отталкивается от проёма и проходит в гостиную. – Сегодня среда, были ваши женские делишки. Не знал, что будет продолжение у нас.

Он шевелит пальцами, указывая на свободную подушку рядом с Коди, и тут же её получает, после чего растягивается на ковре неподалёку от Рэя.

– Спасибо, хоть пищу оставили, – Уилл стягивает коробку с журнального столика и кладёт на пол рядом с собой.

Я мгновенно успокаиваюсь и расслабляюсь, ощутив его покой.

– Это был мой завтрак, – усмехается Рэй.

– Воды попьёшь.

Рэй дотягивается и бьёт его в бедро.

– Чем ты занимался? Попал в женское общежитие и заблудился?

– Бегал по полю до кровавых мозолей.

– Надо же, а футболка сухая и совсем не пахнет.

Уилл обводит взглядом присутствующих.

– Кто-нибудь сообщит ему о существовании душевых?

Конечно, вопрос риторический.

Фильм подходит к концу. Я смотрю на время и испытываю печаль, потому что не предупредила папу о том, что могу задержаться. Не хочу, чтобы он беспокоился понапрасну.

– Мне пора, – говорю я, как только по экрану ползут титры.

– Забегай в гости, – первым отзывается Коди, вероятно, из вежливости, а я не из числа тех, кто напечёт пироги и будет навещать соседей без приглашения.

– Идея традиции и правда хорошая, – его поддерживает Вики и следом обращается ко мне: – Что насчёт следующей среды?

– Да, почему бы нет? – Киваю я, поднимаясь на ноги.

Я делаю шаг в сторону выхода и получаю общее «увидимся», на которое отвечаю улыбкой.

Вслед за мной поднимается Уилл и отряхивается от крошек.

– Было круто и всё такое, но проект горит, – говорит он. На секунду становится неловко, отчасти потому что между нами переглядываются. Более неловкой ситуации в жизни не было.

Но мы расходимся в разные стороны: Уилл направляется к лестнице, а я открываю дверь, вздрогнув и замерев от звука его голоса.

– Спокойной ночи, Джейн.

Я держу дверь полуоткрытой и поворачиваю голову, взглянув на него через плечо.

Уилл остановился на первой ступеньке и положил ладонь на перила. Его глаза встречаются с моими. Я нервничаю, но внешне стараюсь оставаться непоколебимой.

Возвращаю ранее сказанное назад.

Вот она: самая неловкая ситуация в моей жизни.

– Доброй ночи, Уилл, – искренне желаю я, найдя голос.

Я быстро пересекаю двор на дрожащих коленях и чудом не сшибаю садового гнома, потому что витаю в облаках. Перед глазами застыла картинка: улыбка, которой одарил Уилл перед тем, как выскочила из дома. Теперь уж сомневаться не придётся, он будет думать, что я припадочная. Так или иначе, горжусь собой, что не растерялась уже второй раз.

– Как провела вечер? – Вопрос папы добирается до ушей, когда избегаю по лестнице.

– Отлично, они отличные ребята!

Отлично, потому что они отличные ребята. Иисусе, да я и двух слов связать не могу.

Я падаю лицом в подушку и перевожу дыхание.

Может быть, так думать нельзя, а то и вовсе не позвоительно, но я рада, что в это самое мгновение до меня никто не может добраться. Никто не постучит в дверь и не спросит, как я, всё ли в порядке. Потому что, чёрт побери, я далеко не в порядке. Я как неудачная шутка вселенной, веду себя как самая настоящая идиотка. Может быть, папа был прав, пятнадцати секунд вполне хватит, чтобы потерять голову и влюбиться.

Бессонница играет со мной злую шутку.

Я катаюсь по кровати, не в состоянии найти удобное положение и провалиться в сон. Чего только не делаю, чтобы вытеснить поток мыслей, но никто не способен убежать от себя. Когда сотый раз посещаю ванную комнату, открываю шкафчик и смотрю на флакончик с волшебными пилюлями, отговариваю себя и возвращаюсь в постель. Я прибегаю к ним крайне редко, в те периоды, когда не вижу другого выхода, когда мысли о маме одолевают сознание, когда становится так плохо, что задыхаешься и загибаешься от боли. Когда понимаю, что всё могло быть иначе, если бы иногда люди прислушивались к чутью, доверяли внутреннему голо-

су, спасающему от роковой ошибки.

Перекатившись набок, замечаю тусклый свет в окне напротив и, подойдя к своему, с осторожностью выглядываю из-за плотной шторы, чтобы остаться инкогнито. Но именно в этот момент Уилл поднимает голову.

Наши взгляды пересекаются, и по коже пробегают мурашки.

Не хочу быть принятой за сталкера, особенно после нелепого исчезновения в стиле Золушки. Не нахожу ничего лучше, как поднять руку и помахать в знак приветствия. Уже ведь новый день?

Любой другой покрутит пальцем у виска, а Уилл устало падает на спинку стула и поднимает уголок губ, поприветствовав в ответ. И это в три часа ночи. Понятия не имею, что сказать. *Доброй ночи? Доброе утро? Прости, что тайно подглядываю за тобой? Я полная дура?*

Прежде чем подтянуть шторы друг к другу, чего не делала раньше, наслаждаясь лунным светом, замечаю, как он начинает грызть карандаш. Клянусь, это самая что ни на есть уважительная причина, чтобы остаться у окна, но заставляю себя одуматься и всё же не входить в роль сталкера. Только Уилл снова поднимает глаза.

У меня кружится голова и потеют ладони. Я не могу оправдать медлительность любованием ночного неба, а он никуда не исчезнет, если не передвинет рабочий стол от окна.

Подождите...

Я ведь не прогуливалась мимо окна в нижнем белье или того хуже голой? Умоляю, пусть ответ будет отрицательным. Пусть я делала это, но не тогда, когда он сидел за компьютером. Это был бы самый позорный момент моей жизни.

Вздыхнув, я поднимаю указательный палец, чтобы он подождал минуту. Уилл кивает.

Бросаюсь к ящику и достаю чистый лист, на котором пишу чёрным фломастером и большими буквами: **Всё в порядке?**

Это же нормально, что подобный вопрос звучит в три часа ночи? К тому же от малознакомой меня. Но вопрос крутится на языке с момента встречи в их доме, он казался чем-то обеспокоенным.

Уилл с улыбкой кивает, когда читает написанное на листе. Ладно, я сделала всё, что могла.

Но тут же получаю аналогичный жест. Он просит меня подождать, склоняется над столом и поднимает бумагу.

Я читаю: **Почему не спишь?**

Поворачиваю лист нетронутой стороной и пишу: **А ты?**

Он смеётся и даёт объяснение: **Проект:(**

Да, точно, он упоминал ранее. Отвечаю взаимным признанием и, взяв новый лист, вырисовываю: **Бессонница:(**

Он поджимает губы, тем самым высказав сочувствие, и снова что-то пишет. Перед глазами предстаёт: **Посчитай барашков.**

Я глупо хихикаю и качаю головой. Уже пройдено. Не помогло.

Уилл снова склоняется над столом и вскоре появляется: **Помечтай.**

Не скрываю, удивлена предложением. Я никогда не мечтала, не разыгрывала сказочные сюжеты в голове, вроде тех, где живу другой жизнью. Разве что одну: о маме. Каждый раз я представляю, что она вернулась самыми различными способами. И каждый раз это заканчивается тем, что закрываюсь в себе от внешнего мира.

Мне приходит идея позаимствовать мечту Уилла, и я спешу узнать: **О чём мечтаешь ты?**

Его глаза пробегаются по вопросу. Он прищуривается, подняв взгляд к моему лицу, и постукивает пальцами по нижней губе, загадочно улыбаясь, отчего переминаюсь с пятки на пятку. Сложно понять, он на что-то намекает или перебирает идеи.

Наконец-то получаю ответ: **Помечтай обо мне;**)

Я тихо смеюсь, полагаясь, что он шутит, но по телу пробегает волна дрожи. Уилл хорошая мечта, возможно, несбыточная, только этот факт вовсе не останавливает.

Но это ещё не всё.

Он добавляет к написанному: **Возможно, я буду заниматься тем же.**

Я тут же берусь за лист и подшучиваю: **Будешь мечтать о себе?**

Подмигнув, Уилл даёт ответ. Я наверняка краснею, потому что лицо пылает. Огромное счастье, что в темноте не слишком видно предательские эмоции.

Чтобы остудить пыл и перевести беседу на безобидный уровень, пишу: **Ты флиртуешь со мной по переписке?**

И в ответ получаю: **Может быть;)**

Отлично. Сегодня всё *отлично*.

Теперь не усну вовсе, Уилл усугубил бессонницу и единственное, о чём буду думать до утра: о том, что он мечтает обо мне или как я мечтаю о том, чтобы он мечтал обо мне. Каша в моей голове закипает. В конце концов, завершаю ночные разговоры первой. Очередной раз желаю доброй ночи и получаю взаимность.

Глава 5. Уилл

– Эй, Каллоуей!

Я не успеваю обернуться, тяжёлая рука Грейсона повисает на плече. Он тормозит нас в движении и выпаливает новости на одном дыхании.

– Слышал? Профессор поставил тебе высший балл, когда такое было за... последнюю сотню лет? Один Бог знает сколько лет старику.

Я смеюсь и поворачиваю голову, торопясь убедиться, что он не шутит.

В миндалевидных серо-голубых глазах искрится торжество. Он проводит пятерней по коротким золотистым волосам и улыбается во все тридцать два белоснежных. Не удивительно, с увесистым родительским кошельком, Грей сияет подобно звёздочке на ночном небе. Гладковыбритые острые скулы с едва заметной россыпью веснушек на переносице, которые ближе к зиме потускнели и сейчас заметны, если приблизить нос к носу. Я мог бы сказать, что он избалован-

ный сыночек с золотой ложкой в заднице и тот ещё высокомерный мудака, но промахнусь. Грей славный парень: лёгок на подъем и прост, как цент в кармане. Только не его стиль одежды. Тут можно заметить, что парень не брезгует брендами. Серая футболка от Томми Хильфигера с горизонтально протянутой на груди тонкой полосой белого и красного, подчёркивает имя дизайнера и обтягивает каменную мускулатуру. На плечах тёмно-синяя толстовка, рукава которой завязаны на шее, и того же бренда штаны. От него за милю несёт ярким и насыщенным ароматом парфюма с древесными нотами в сочетании с бергамотом. Прямо-таки будущая модель для рекламных таблоидов, но я не привык судить людей по толщине кошелька. Мне попросту некогда. Стипендия покрывает сто процентов расходов, но это не означает, что могу расслабиться и плыть по течению. За неё нужно изрядно потеть.

Мы познакомились на отборе в команду и твёрдо заверяю, что футбол – не единственное, что связывает. Мы общаемся вне поля. Почти каждые выходные проходят в его доме и, наверное, не только выходные. Да, засранец обладатель роскошного домишки в стиле хай-тек со всеми возможными примочками, вроде тех, когда чихаешь – и следом звучит «будь здоров», разве что задницу не подтирают. И живёт он там совершенно один. Пару раз звучало предложение переселиться в одну из свободных спален. Вот такой короткий путь от знакомства до дружбы. Пока Грей единственный, ко-

го могу назвать другом среди всех новоиспечённых знакомых. А их слишком много. Вокруг всегда была тьма людей. На одиночество не жалуясь, наоборот, переполнен заинтересованными потрепаться. Как говорится: лучше быть в избытке, чем терпеть недостаток.

– Да ну?

– Клянусь, он поставил отлично с тремя плюсами, – заверяет Грей. – Собственными глазами видел. Что ты сделал? Познакомил старика с парочкой первоклассных студенток или вы родственники?

– Не то и не другое, – я поднимаю уголок губ, избежав столкновения с женской компанией, которая, по всей видимости, не против разбавить ряды мужской. Я вскидываю руки, попутно извинившись за нечаянный налёт, и нас провожают разочарованными взглядами. – Рвал задницу днями и ночами.

– Поэтому ты выглядел как мешок с дерьмом?

– Два-три часа сна, изнурительная тренировка с утра и пара десятков чистого эспрессо, скоро перейду на ристретто⁶. В таком ритме неделю. Как, по-твоему, я должен выглядеть?

– Дерьмово, приятель. Сколько ты готовился перед презентацией?

– Убил весь вечер и половину ночи, а ты?

Грей ненадолго задумывается и весело выдаёт:

– Два часа до начала. Похоже, твой метод работает лучше

---

⁶ Ристретто – самый крепкий и насыщенный кофе.

моего.

– Получается так, – я размахиваю ладонью перед лицом. – Надеюсь, не подхвачу бактерии слабоумия воздушно-капельным путём.

Хохотнув, он хлопает меня по спине и снимает руку.

С его ростом в семьдесят четыре дюйма и весом почти в двести фунтов, нетрудно снести тройку защитников так, что у тех искры из глаз посыплются. Этим он занимается на поле, грёбаная машина-убийца. В отличие от Грея, которого оторвали с руками и ногами в стартовый состав, мне пришлось поднапрячься ради местечка под солнцем, дабы занять позицию в нападении. Если невозможно перепрыгнуть через собственную голову, то смело заявляю, что предположение – полнейшая брехня. Я сделал это в школе, вызвавшись занять позицию Трэва, и сделаю в колледже. Риск – единственный способ превзойти себя.

Мы прокладываем дорожку по коридору с кучей буйствующих студентов, и оказываемся в аудитории. Сегодня в расписании несколько совместных лекций, чему несказанно радуюсь.

– Побросаем мяч после обеда? – предлагает Грей.

– Только если не пригласишь Кэйти, – звучит больше условием, нежели просьбой. Девчонка выклевала мозги, а я не из числа тех, кто нагрубит и пошлёт прогуляться по кишечному тракту.

– Не обещаю. Она все уши прожужжала про тебя в поне-

дельник.

Я вздыхаю и агрессивно щиплю переносицу.

– Черт, надо же было так облажаться.

– Я думал, что ты знаешь принцип одноразовых отношений.

– Я тоже так думал, пока не оказалось, что обмен парочкой фраз после секса означает зелёный сигнал светофора для поезда, который уже несётся на полном ходу.

– *Парочкой фраз?* – Грей фыркает от смеха. – Ты уверен, что была *парочка фраз*, а не исповедь голышом? Она думает, что теперь вы пара. Наверняка носит твою фотку в рамке, прямо как Хельга Патаки⁷.

– Жуть, – я падаю в кресло и съёживаюсь, поелозив на мягкой обивке.

– Да брось, она вполне сносна... пока не может говорить. Я слабо пихаю его локтем.

– Заканчивай.

– Констатация очевидных фактов.

– После хороших новостей ты решил украсить торт протухшей вишенкой. Я и так в дерьме.

– Попробуй внести ясность в ваши непростые взаимоотношения.

– Спасибо за совет, это я и сам знаю.

– Если что, я любезно предоставлю убежище, когда узнает твой адрес и начнёт караулить около дома. Я уже показывал

---

⁷ Хельга Патаки – персонаж мультсериала «Эй, Арнольд!».

винный погреб родителей?

Ещё хуже. Меня мутит от одной мысли.

Я думал, что миновал стадию «жутко», оказывается, она только впереди. Кэйти лучше держаться в радиусе мили от дома. У меня есть на то причины. И главная из них живёт по соседству. Сложно оставаться хорошим, белым и пушистым одуванчиком для Джейн, если где-то по округе бродит другая, вообразившая вас парой после случайного секса. К слову, пьяного, отсюда вытекает случайный. Пьяный случайный секс. Обычно, ещё и ошибочный.

– Каллоуей, за что ты переживаешь? – прищуривается Грей, просканировав меня с ног до головы.

– Не хочу быть гостеприимным среди ночи для девчонки с повышенным либидо.

– Не хочу пугать, но Элли тоже положила на тебя глаз.

Я морщусь.

– Они же лучшие подружки и всё в этом духе.

– Заповедь Божья гласит: делись с ближним своим. Похоже, девчонки святые.

– Скорей, абсолютно без комплексов.

– Посмотри на всё с оптимистичной стороны. Тебе не придётся скрываться и оправдываться, а если спутаешь имена – никто не закатит скандал. Открыто трахаешься с двумя подружками и наслаждаешься жизнью.

– Я не собираюсь кувыркаться ни с одной из них. Со второй и в планах не было.

– Ты и с Кэйти не планировал.

– Это всё твой чудо-коктейль. Я ни черта не помню.

– Если отказываешься так просто, значит, есть причина.

Обычно причина обусловлена третьей девчонкой. Колись, Каллоувей, кто она?

Я тяжело вздыхаю.

– Вы не знакомы.

– Она учится с нами? – Грей пробегаются любопытным взглядом по аудитории. – Хотя бы цвет волос скажи, чтобы сузить круг подозреваемых.

– Её здесь нет. Она не студентка.

– Ты фанатик постарше? В приоритете женщины с опытом?

– Ты придурок. И нет. Она младше.

– Черт, только не говори, что она школьница, хотя...

– Она в одиннадцатом классе, – честно признаюсь я.

– О, черт, дружище. Ты запал на школьницу и твой пипи перестал работать, как во всех сладких бестселлерах USA Today⁸. Знаешь, что я думаю на этот счёт?

– О чём конкретно?

– О сладких романчиках.

Я делаю отмашку, предоставляя возможность выговориться.

– Это руководство. Их пишут женщины, так что секи фишку. Они нам подсказывают, как действовать.

---

⁸ USA Today – первая общенациональная ежедневная газета в США.

– Прочту на досуге.

– Так что там с твоим пи-пи? Ты ещё в деле или готов воспользоваться волшебной таблеточкой?

– Всё в порядке, спасибо, что озабочен работоспособностью моего члена. И я *не* запал на неё.

– Ладно-ладно, она *просто* нравится тебе. Хотя бы скажи, как вы познакомились?

– Живём в соседних домах.

Грей хихикает, продолжая забавляться.

Куда без этого? Для чего ещё нужны друзья?

– Дерьмо. Вот почему ты отказываешься переезжать. Там твоя принцесса в башне. Её отец уже пообещал оторвать твои яйца и повесить вместо дверного звонка?

– Не за горами, – коротко киваю я. – Но надеюсь на положительный исход и счастливый конец.

– И какая она?

– Мы почти не общались, но... – слабо жму плечом и пытаюсь подобрать слово, которое опишет Джейн максимально понятно, но на ум приходит сухое и короткое: – Она очень милая.

– Всё? – Грей с недоумением пялится на меня, как бы говоря: «Ты шутишь? *Милая?*».

– Слушай, я не сильно знаю её. Общались пару раз и то, обмен парочкой фраз. Не думаю, что она изо дня в день перемывает чужие кости, строит козни и из кожи вон лезет, чтобы быть на слуху. Она именно *милая*: милая на вид, ми-

лая при общении. Может быть, подойдёт ещё мягкая и нежная. Не такая, как все. Искренняя. И мне это нравится.

– Уверен, что это так?

– Я не могу быть уверен, это мнение сложилось из короткого общения. Я не хочу ошибиться. Надеюсь, что не ошибся.

– Я чертовски заинтригован.

– Я тоже.

– Привет, – от звука сахарного голоса сжимается задница. Она в прямом смысле сжимается. Я как будто сижу на камне.

Я искоса смотрю на Грея, посылаю сигнал SOS с помощью взгляда, кислым выражением лица, слабым толчком локтя. Любым возможным способом.

Спасите, чёрт возьми, меня!

– Привет, Кит-Кэт, – весело щебечет приятель, выглядывая из-за меня.

Приятель-предатель.

– Привет, – сглотнув, говорю я, бросив на девчонку мимолётный взгляд.

Но не она.

Кэйти идёт до победного конца.

Она накрывает ладонью мою, и игриво перебирает ногтями по тыльной стороне кисти. Я уставился на заигрывание её руки с моей и поверить не могу, что проглотил язык.

Неторопливо путешествую взглядом по руке и встречаюсь с глазами ореховым оттенком. Они смотрят в мои преис-

полненные решимостью навязать своё общество на ближайшие пару часов. Перспектива не такая уж и заманчивая. Я не люблю навязчивых людей, особенно если это девушка, которая не ставит на первое место собственное достоинство. Ради всего святого, это ведь я должен быть инициатором. Девушка может подать сигнал и сделать первый шаг, но дальше действует парень. Меня не нужно добиваться.

– Слушай, как насчёт не трогать меня? – Собрав силы в кулак, вежливо предлагаю я.

На её лице вспыхивает оскорбление.

– Не трогать? – Кэйти перекидывает прямые золотисто-медовые локоны через плечо. Так выглядит защитная реакция.

– Именно.

– Кто-то сегодня не в настроении, – жалкая попытка перевести разговор в безобидное русло увенчалась успехом. Я также холоден.

Проблема в том, что чаще всего не могу сказать сухое и жёсткое «нет». За всё время так и не научился. Сомнительная черта характера для кого-то вроде меня.

Я недвусмысленно одёргиваю руку. Любой другой сочтёт жест унижением, особенно, девушка.

Но, опять же, не Кэйти.

– Ладно, в другой раз, – с фальшивой улыбкой произносит она, как будто действительно думает, что *другой раз* будет.

– Не думаю, – негромко бурчу в ответ.

– Ты странный.

– Я так не считаю.

Проклятье, есть способ заткнуть себя?

– Да что с тобой?

– Другого раза не будет, Кэйти, – смотря в её глаза, говорю я. – Давай разойдёмся на мирной ноте?

– Ты в своём уме?

– Я уже дал ответ. Я определённо в хорошем настроении. Я не странный. Я в своём уме. И я прошу не трогать меня.

– Слушай, ты всегда так делаешь? – она буровит меня смертоносным взглядом, а её голос больше походит на шипение змеи, нежели ровный тон. – Играешь и бросаешь?

– Ага, – Грей отвечает за меня. – Таков его план. Мудак, в общем и целом.

Я выразительно смотрю на друга, вроде какого-хрена-ты-мелишь-идиот.

Кэйти резко поднимается на ноги, перекидывает сумочку на плечо и громко топает, когда поднимается по амфитеатру.

Она вполне хороша. Шелковистые волосы до лопаток, красивое личико, округлости в нужных местах и узкая талия, приправленные длинными ногами и уверенной подачей себя. Жирный минус в излишней болтливости. Может быть, чрезмерная активность языка всего лишь предлог оправдать собственный дезинтерес, но не чувствую к ней совершенно ничего и не могу выжать хотя бы что-то. Я не всегда покупаюсь на красивую картинку. К нужному человеку влечёт на

подсознательном уровне, а мои внутренние радары не реагируют на Кэйти. Я не испытываю тягу узнать её. Вообще ничего. У вырубленного дерева больше чувств.

– Спасибо, – не скрывая сарказма, отчеканиваю я, обращаясь к Грею.

– Чувак, я серьёзно не понимаю, почему ты не в состоянии отшить какую-то цыпочку.

Я игнорирую замечание. Грей прав на сто процентов.

Скудная ситуация отбрасывает прямиком в Кливленд. Я возвращаюсь за обеденный стол и буквально вижу надменное лицо старшего брата я-снова-обставил-тебя, пока на заднем фоне грохочут родительские голоса со стандартным набором: «Возьми пример с Роланда», «Роланд с отличием Гарвард», «Роланд преуспел в маркетинге», «Роланда повысили до ведущего специалиста в компании», «Роланд помог закрыть долг по ипотеке». И ещё сотня подобных комментариев, какой успешный МудоРоланд. Мы все необычайно гордимся Роландом. Мы все поклоняемся Роланду. Мы все целуем его накрахмаленную рубашку и высокомерную тощую задницу. Роланд, в свою очередь, никогда не пытался остановить дискуссию. Вот что на самом деле странно: человек, старший на десять лет, наслаждается превосходством над школьником.

Мы никогда не были близки, но я, безусловно, должен был видеть в нём пример и повторить успех. Пойти по его стопам. Стать Роландом версии 2.0, чтобы заслужить признание. Я

всю жизнь находился в его тени и свалив подальше, больше не хочу возвращаться. Я игнорирую звонки родителей, потому что знаю: в диалоге непременно всплывёт его имя. Всплывёт и то, что занимаюсь черти чем, а это отсылка к выбранной специальности. Отчасти я хотел пойти поперёк их словам и выбрал сценарный. Это был импульсивный поступок в стиле бунтаря. Я мог решать самостоятельно, получив стипендию. В будущем, безусловно, наломаю ещё дров, но пока чувствую себя на своём месте. Интерес вспыхнул внезапно, я просто не глядя пошёл по зову сердца.

К чёрту дерьмо родителей.

К чёрту МудоРоланда.

К чёрту второе место.

Как бы прискорбно ни прозвучало, но мне намного лучше от понимания, что нахожусь вдали от дома. Всю жизнь быть чьей-то тени не так уж приятно. И даже когда занял позицию Трэва, родители упомянули, что Роланд был квотербеком и не забыли приправить тем, что Трэва не дисквалифицировали навсегда. Неправда ли поддержка семьи – это прекрасно? О, а стоит ли говорить, что они не пришли на матч? В задницу их и грёбаного МудоРоланда, который давно сдулся.

– Эй! – зовёт Грей.

Я возвращаюсь в реальность, по всей видимости, неожиданно замолчав.

– Всё в порядке.

– Уверен? – недоверчиво спрашивает он.

– Да.

– Тогда что с лицом? Я могу её вернуть. Ты же знаешь, что могу.

– Не надо, извинюсь потом.

– Каллоувей, ты безнадёжен, – стонет он, вызвав улыбку.

Спустя несколько часов мы всё же носимся по его просторному заднему двору с мячом, делая броски.

Всякий раз, когда бегу по натянутому над бассейном тенту, ноги проваливаются и пружинят, и волей-неволей проскальзывает мысль, что однажды рухну на дно, поцеловав плитку носом или задницей, но то же самое делает Грей, следовательно, верим в лучшее. Облака пара вылетают изо рта и растворяются в воздухе спустя мгновение, а вокруг головы танцуют снежинки. Мы оба выдохлись, но не сдаёмся. Кто в здравом уме тренируется на морозе в середине декабря? Полные идиоты. И идиоты никто иной, как мы.

Грей пасует мне с другого конца двора и расставляет ладони по коленям, приводя дыхание в размеренное. Так, мы и завершаем.

Я несу мяч в подмышке и направляюсь в его сторону неторопливым шагом. Мороз не дремлет и реагирует на отсутствие активности. Кожа становится гусиной, в одночасье начинаю стучать зубами и меняю траекторию движения.

– Извини, чувак, у меня голяк, – говорит Грей, следуя за мной.

Он закрывает дверь, отрезав от холода, и шагает к столо-

вой.

– Планировал что-нибудь заказать.

– Как будто ты вообще когда-то готовил. Ты знаешь, где холодильник только потому, что туда фея-крёстная кладёт еду ещё до того, как ты разлепил глаза. Кстати, где она?

– Взяла три дня выходных проведать внуков, – он морщится и открывает холодильник, исследуя полупустые полки. В следующую секунду в меня летит банка Dr. Pepper⁹.

Газировка издаёт шипящий звук, когда Грей открывает крышку и поворачивается ко мне, захлопнув холодильник локтем.

– А если я умру?

– В среднем без еды человек может прожить до двух месяцев.

– Зубрилка, – с издёвкой подшучивает Грей.

Ещё одна правда, но что только не сделаешь, чтобы не зависеть от других. Например, все шансы стать ассистентом профессора и получить некоторые привилегии и, чего таить, деньги. Уж лучше перегрызу себе горло, чем приму помощь от родителей или Роланда. Первое полугодие закрыто практически с отличием, так что у меня все шансы. Я уже подал заявление и жду решение ректора, а профессор не был против, узнав о моей кандидатуре. Не уверен, что первокурснику доверят читать лекции или проводить семинары, но я вполне способен проверять работы и подготавливать матери-

---

⁹ Dr. Pepper – безалкогольный газированный напиток.

ал для занятий. Знаю, тогда буду занят от заката до рассвета, но готов зубами цепляться за возможности. Какой-никакой опыт. Я грыз землю, чтобы вырвать спортивную стипендию. Не в переносном смысле. Играя в футбол, так или иначе, купаешься в грязи. И готов делать это дальше, не нуждаясь в подачках.

Я обвожу взглядом, сияющую под разбросанными мелкими лампочками белоснежную подпотолочную кухню, внутренние шкафчики которой древесного материала. Гранитная поверхность светло-бежевым приближённым к белому, идеально чиста. На кухонном острове длиною в сам гарнитур, являющемся также барной стойкой с тройкой стульев, корзина со свежими фруктами. Грей не ярый поклонник вегетарианства, прямое тому доказательство – нетронутые фрукты. У стены по центру внушительных размеров плита, а напротив разместилась раковина, не смещающая обеденную зону. Одну сторону занимает холодильник, а вторую – встроенная техника. Стены цветом шампанского дают ещё больше света, как и мрамор под ногами. Я мог жить в этом доме, снабжённым всеми техническими новинками, но предпочитаю делить пространство с проверенными годами людьми. Парни – это моя вторая семья.

– Ты точно не столкнёшься с проблемой питания в современном мире, – протягиваю я.

– Ещё бы, пойду обчищать мусорные контейнеры и просить милостыню. Видел палаточные лагеря бездомных в Лос-

Анджелесе? Блеск, там все свои с американской мечтой.

– Нажмёшь несколько цифр, скажешь пару словечек, положишь кредитку к терминалу и вуаля! – Я вливаю в себя сразу полбанки газировки со вкусом вишни.

Грей подхватывает мобильник со столешницы и шевелит бровями.

– Сейчас попробуем.

Я закатываю глаза и вторю ему слово в слово, когда он диктует лишённый оригинальности заказ. Это всегда самая большая пицца со сборной мясной солянкой, парочка бургеров и наггетсы в сочетании с любимым соусом барбекю.

Грудь парня колыхается от беззвучного смеха, он показывает средний палец и шевелит губами:

– Пошёл ты, ублюдок.

Это я тоже повторяю. Предсказуемо.

Но сегодня Грей на шаг впереди, потому что просит собеседника подождать минуту и обращается ко мне сладким голосочком:

– Милый, тебе что-нибудь взять?

– Мне вполне достаточно твоей любви, *милый*, – я повышаю тон, чтобы услышали на другом конце линии, и обыгрываю его в его же игре.

– Опять будет таскать у меня, – вздыхает Грей, возвращаясь к разговору с оператором.

Спустя минуту он сбрасывает звонок и фыркает.

– Нас приняли за голубков.

– Очень странно, – отзываюсь я, пожав плечом. – А ведь ты даже не дал повод. Помочь тебе спинку в горячей ванной?

– Не мешает, я реально хочу принять душ. Воняю просто жуть.

– Поддерживаю. Сделаем это вместе?

– О, ну хватит, чувак, – смеётся Грей. – Я всё понял. Никаких задних игр.

Мы поднимаемся по не менее белоснежной лестнице с нижней подсветкой и расходимся в разные стороны на втором этаже.

– Каллоуей, – зовёт Грей с другого конца коридора. – Как её зовут?

– Джейн.

– Надо же, у неё даже имя *милое*.

Я закатываю глаза, а он смеётся, исчезая с горизонта.

Грей выделил для меня отдельную ванну. Я серьёзно. Я не просил, но, что есть, то есть. Так или иначе, не пользуюсь его щедростью и добротой, а за заказанное мы всегда платим пополам. Таково моё условие: всегда пятьдесят на пятьдесят, может быть, поэтому Грей отсеял тех, кто желал извлечь из дружбы выгоду. А такое вполне возможно. У него можно попросить временно перекантоваться, денег и помощи в разрешении некоторых конфликтных ситуациях. Думаю, у человека, чьи родители открыли одну из лучших контор по уголовным делам мало проблем, кроме одной: куда деть чемоданы с деньгами.

Я вытаскиваю ключ из кармана и проворачиваю в замочной скважине.

Ванная комната закрыта, ключ только у хозяина и у меня, потому что на выходных там любят экспериментировать извращённые парочки. Последний раз кто-то засорил унитаз использованными презервативами. К утру на втором этаже стояла невыносимая вонь, и Грей позолотил руку слесаря приличной суммой. Я пользуюсь ею в тех случаях, когда требуемся. Остальные видели сюжеты получше тех, что придумывают сценаристы порностудий.

Глава 6. Уилл

Снег, выпавший буквально за несколько дней, можно приравнять к годовым осадкам, но это не главная проблема. Намного хуже, что за день он растаял и оставил после себя гололедицу, к которой никто не был готов. Я парочку раз едва не сломал копчик, успешно балансируя на ногах подобно корове на льду. Сейчас в безопасности себя можно ощутить только в стенах дома, потому что погода снова ухудшается и ближе к вечеру разворачивается настоящая метель. От свиста ветра за окном волосы встают дыбом, угадайте, для кого это не такая уж и проблема?

Джейн, завёрнутая в пышный пуховик, за горловиной которого едва можно разглядеть лицо, а под шапкой – глаза, упорно сбивает сосульки с хрупкой черепичной крыши над своим окном и в тех местах, куда может дотянуться. Конструкция выглядит так, словно в любой момент готова обвалиться вместе с сосульками. Её энтузиазм похвален, если бы не был так опасен. Высунувшись из окна и стоя на подокон-

нике, она на максимальную длину вытягивает руку и сбивает ещё одну с помощью палки. Во мне просыпается защитник.

Я открываю окно и холод окутывает тело, из-за чего по коже ползут мурашки.

– Морковка, ты сумасшедшая, знаешь об этом? – Я пере-крикиваю порывы ветра, чтобы она услышала, используя в вопросе прозвище, данное Рэем. Он как-то в ходе разговора назвал её морковкой, и милое нареkanie прицепилось.

И она слышит, но не так, как хотелось бы.

Джейн вздрагивает и роняет палку, ухватившись за оконные откосы, потому что сама едва не сиганула вниз. Сердце пропускает удар из-за острых ощущений. Я чувствую себя виноватым, очередной раз перепугав её до смерти. К сожалению, не могу похвастаться способностями Эдварда Каллена и спасти, оказавшись под окном за долю секунды. В моих возможностях остановить безумие, ведь одно неверное движение – и беды не миновать. Она могла рухнуть вниз и без моей помощи.

– Прекрати заниматься ерундой, – продолжаю я. – Ты могла упасть.

– Но я только что чуть ли не упала! – Округлив глаза, возражает она, но в голосе нет и толики раздражения или резкости. – Ты снова напугал меня, Уилл!

Жар расползается по венам, когда моё имя слетает с её губ. Готов слушать это вечно.

– Я не могу спокойно смотреть, как ты ползаешь по окну

и рискуешь костями и здоровьем.

– На мне три слоя одежды, – Джейн сползает с подоконника и встаёт на пол.

Мне становится намного лучше, когда она прислушивается. По крайней мере, надеюсь, что она больше не будет заниматься этим самостоятельно.

Проклятье, где её родители? Куда они смотрят?

– Всё равно, – отмахиваюсь я. – Живо в дом, иначе в следующую среду придушу тебя подушкой за подобные выкрутасы.

– Уилл, одна из них может отвалиться в неподходящий момент, тогда кто-то получит сотрясение. Я *должна* это сделать.

– Мы же договаривались.

Джейн стягивает шапку, распуская длинные шёлковые волосы, и я наконец-то могу видеть эмоции на её лице. Она в замешательстве.

– Если нужна помощь, то обращайся, – подсказываю я.

– Но я же не безрукая.

– Но и не бронебойный Терминатор. Я к тому, что сломать руку, ногу или шею не так уж и сложно. Давай ещё раз: тебе нужна помощь?

Ну же, скажи да.

Скажи чёртово «да».

– Только над крыльцом, – жмёт плечами Джейн.

О-о-о да!

Аллилуйя.

– Две минуты, – киваю я, оттолкнувшись от окна, предвзательно получив робкую улыбку.

Быстро натягиваю штаны и накидываю куртку, чтобы не слечь с температурой. Простуда не входит в планы на ближайшее будущее. Внизу зашнуровываю кроссовки и вылетаю на улицу, получив отменный хук по щекам от ветра.

Да уж, погода далека от солнечной. Небо затянуто серыми тучами уже несколько дней. Вокруг ни души, все наверняка притаились дома и укутались в тёплые пледы. Наш тихий район не славится многолюдностью, но по утрам вижу больше жизни, нежели вечерами. Мимо лениво проплывает машина и сворачивает на подъездную дорожку, я же добираюсь до крыльца соседнего дома, где обнаруживаю Джейн с палкой, которую она обронила ранее.

– Привет, – неловко произносит она.

– И тебе привет, безумная морковка.

Я орудую палкой, как бы комично это не звучало, несколько последующих минут в тишине. Джейн не остаётся в стороне. Она берёт метлу и смахивает льдинки на землю. Я первым нарушаю тишину.

– Уже выбрала, куда поедешь учиться? – Интересуюсь я и, окинув её насмешливым взглядом, добавляю: – Когда закончишь начальную школу, разумеется.

Не буду скрывать, вопрос с подковыркой. Я боюсь ступить на тот путь, у которого не будет продолжения; который за-

ранее обречён. Подпустив её ближе – не захочу отпускать. Отношения на расстоянии вроде Титаника, который так или иначе потерпит крушение и пойдёт ко дну.

– Я выгляжу как девочка из младших классов? – Она хмурится, словно не знает, оскорбиться или радоваться.

– В хорошем смысле, Джейн.

– Я не хочу уезжать. Останусь тут, поступлю в общественный колледж.

Я оборачиваюсь и пристально смотрю на неё, не доверяя услышанному.

Общественный колледж? Есть ряд причин, почему он рассматривается редко, хоть и имеет ряд плюсов. Один из таких: сравнительно дёшево. Всего два года обучения и лёгкое поступление. Там не требуют высший балл по SAT¹⁰, а студентов в группах значительно меньше. Я могу сидеть в аудитории с сотней других, тогда как в общественном это небольшие группы: человек двадцать или тридцать. Наравне с плюсами куча минусов: во многих отсутствует кампус, практически нет активной студенческой жизни, меньше шансов получить стипендию и покрыть стоимость. Но всё это меркнет, когда дело касается диплома. Их не сильно ценят.

– Почему? – Я выхожу из ступора, но не принимаюсь добивать сосульки.

Джейн рассеяно жмёт плечом.

---

¹⁰ SAT – стандартизованный тест для приёма в высшие учебные заведения в США.

– Потому что это Нью-Йорк, тут океан возможностей. Можешь стать кем угодно.

– Кем хочешь стать ты?

– Мне нравится преподавать.

– Хочешь работать в школе? – Я поднимаю бровь. – Ты же понимаешь, с кем будешь иметь дело?

– Да, но мне нравится начальная школа. Старшая – не совсем моё. Я иногда сижу с соседскими детьми.

Я понимающе киваю.

Старшая школа – это тот ещё тернистый путь. Средняя, к слову, ничем не отличается, возможно, намного хуже, ведь тогда начинается переходный возраст, и не все ведут себя адекватно. Ох, чёрт, никто не ведёт себя адекватно. Необходимо иметь железное терпение и стальные нервы, чтобы выносить отбитых кретинов на ежедневной основе. Людей, которые решили во что бы то ни стало работать с подростками, нужно награждать орденом за отвагу.

– А ты? – Джейн склоняет голову к плечу, смотря на меня из-под ресниц.

Щёки у неё покраснели на морозе, а то, что она постоянно кусает губы, они налились насыщено розовым. Я, вероятно, совершаю фатальную ошибку, когда смотрю на них, потому что Джейн густо краснеет. Очевидно, я смущаю её, но ничего не могу с собой поделать. Я чертовски сильно хочу её поцеловать. Не буду загадывать, но почти уверен, что это может быть лучший поцелуй за всю жизнь. Суть в том, кого

целуешь. Дело в чувствах к партнёру.

– Я в Бостонском колледже, – заставляю себя отвлечься на сосульки, боюсь не сдержаться и обрушиться на её губы, как подросток с гормональным всплеском.

– А специальность?

– Сценарный.

– Ого! – она выглядит впечатлённой.

– Удивлена?

– Думала, что ты спортсмен и поэтому бегаешь каждое утро.

Я улыбаюсь и кошусь в сторону Джейн.

Неужто следит за мной?

Было бы даже забавно. Я наблюдаю за ней, когда она копошится в саду, а она – когда выхожу на пробежку.

– Это для себя, хотя ты права. Я на спортивной стипендии благодаря футболу.

– Тебе не лень?

– Бегать?

Она кивает, полностью вовлечённая в разговор. И это не тот диалог, когда девчонка заглядывает в рот, нашла способ выделиться, видит симпатичное лицо с подтянутой формой и торопится похвастаться перед подругами, скидывая переписки. Мы живём в то время, когда внешность важнее начинки. Я уже был предметом бурного обсуждения в женской беседе. Но Джейн, кажется, искренне интересуется моими увлечениями, и я с лёгкостью клюю на это.

– Ты встаёшь в шесть утра и выходишь на пробежку, тогда как многие другие мечтают растянуть сон хотя бы на минуту.

– Так можно проветрить голову, полезно для здоровья, да и форму не теряю, – я поворачиваюсь к ней и подмигиваю. – По последним результатам, я самый быстрый в команде.

– Хочешь стать профессиональным футболистом?

– Если во мне разглядят перспективного новичка, почему бы нет? Я не расписывал планы на будущее, что выйдет, то выйдет.

– Получается, ты ещё в поиске себя, – улыбается Джейн, не видя в моей неопределённости ничего необычного.

– Наверное, так.

– А какие у тебя сильные стороны? Что нравится?

– Сейчас мне нравится сбивать сосульки с крыши.

Джейн мягко смеётся, и когда она делает это, морщит носик.

Я слушаю этот чарующий звук, улыбаюсь как идиот и подозреваю, что влип по полной. Так, как сейчас, ещё никогда не влипал. Не знаю, ощущает ли Джейн то же, что я. Испытывает те же ощущения, что я.

– Значит, одно из направлений – ландшафтный дизайн.

– Не думаю, – я отрицательно качаю головой. – Одри, например, варит свечи, Трэв выплёскивает эмоции в футболе, Коди умеет резать по дереву, Вики питает страсть к актёрскому мастерству, постоянно ездит на мастер-классы, Рэй любит организовывать тематические тусовки, тебе нравится

садоводство. Но мы все занимаемся другим. Это просто хобби, кроме Вики, отныне это её профессия.

– А ты?

– Мне нравится писать сценарий, составлять сюжет, придумывать характеры и действия, монтировать видео, играть в футбол и, может быть, немного сбивать сосульки с крыши.

– Не правда, тебе совсем не нравится сбивать сосульки с крыши. Это скучно.

– Мне совсем не скучно, и ты останешься целой.

– Я и была целой, пока ты не напугал меня. *Снова.*

– Прости, – я смеюсь, добывая остатки льда. – Не мог равнодушно смотреть, как ты рискуешь жизнью.

– Ты уже пробовал что-то делать?

– Где?

– По специальности.

– Да. Периодически беру платные проекты, поэтому иногда путаю день с ночью. Мне нравится работать по ночам, когда ничто и никто не отвлекает. Я вроде как сова.

– А я жаворонок, – Джейн, кажется, сама не ожидала, что скажет это. Она вздыхает, дарит мне полуулыбку и делает взмах метлой. – Утро задаёт ритм на весь день.

– Ты не представляешь, какой ритм задаёт хороший сон.

– Получается, ты само противоречие.

– Почему?

– Потому что работаешь по ночам и встаёшь рано утром на пробежку. Почти несовместимые вещи для человека, лю-

блящего поспать до обеда.

Мы одновременно переводим взгляд на открывающуюся со скрипом дверь.

– Чёрт побери, я всё время забываю смазать петли, – ворчит в пороге мужчина, и в моей голове всё мгновенно расставляется по полочкам.

Вот почему Джейн занимается обустройством самостоятельно. Вот почему до сих пор не наблюдал с ней кого-то на заднем дворе, разве что изредка и на веранде с газетой в руках. Её отец передвигается на инвалидной коляске. Мне могло быть очень неудобно и не по себе, если бы Джейн смутилась его появления и постыдилась положения, но она ничуть не робеет.

Она по-доброму улыбается мужчине, чьи морщинки вокруг глаз разглаживаются при одном взгляде на неё. Седые волоски пробиваются среди тёмно-русой копны, выглядит он лет на пятьдесят или на парочку лет старше, отчасти, благодаря бороде. Его оливковая кожа идёт в разрез кремовой Джейн, они не похожи, не считая оттенка глаз. У мужчины они такие же зелёные.

Он поправляет махровый халат багровой расцветки и переводит взгляд на меня, постукивая пальцами по подлокотникам.

– Должно быть, Уилл, – не понимаю, остерегаться серьезных ноток в тоне или стоит расслабиться.

Я всё-таки расслабляюсь, когда он протягивает руку для

знакомства.

Вкладываю в ладонь свою и пожимаю.

– Уилл, – представляюсь я, подтверждая догадки и тем же временем задаваясь вопросом, откуда известно моё имя. Он может знать его в одном случае: они достаточно тесно общаются.

– Роберт, – мужчина награждает меня короткой улыбкой, по которой ничего невозможно понять. Может оказаться, что Грей был прав, и совсем скоро мои яйца станут дверным звонком. Сомнительная перспектива. Я предпочитаю оставить их на положенном месте.

Он переключается на дочь.

– Я готов зачитать нотации за столом переговоров.

– Но я же справилась, – негромко лопочет Джейн, поставив метлу в угол крыльца. – Это не так уж и сложно. Тем более, мне оказали помощь.

На секунду показалось, что нотации означают серьёзный разговор о парнях, но оказывается, что он подразумевает совершенно другое.

– Сэр, ваша дочь сбивала сосульки над своим окном, – вмешиваюсь я, с весельем глядя на Джейн. – Думаю, лекция не помешает. Она едва не выпала из окна.

Роберт, пригрозив ей пальцем, возвращает внимание ко мне.

– И тебе тоже, но по другому поводу.

– Боже, папа! – Возражает Джейн и выглядит она так, как

будто хочет провалиться сквозь деревянное крыльцо прямым под землю. Хочется рассмеяться, видя её смятение.

– Так поступит любой отец, котёнок.

– Спасибо, Уилл, – прежде чем исчезнуть внутри дома, Джейн посылает мне взгляд прости-за-это-недоразумение.

Я провожаю её до тех пор, пока девушка не скрывается на втором этаже и только потом замечаю рамки, которыми усеяна стена вдоль лестницы. На расстоянии не разглядеть, что на изображениях, но определённо личные фотографии.

– Я должен был предупредить, – Роберт вновь завоёвывает моё внимание.

Несмотря на то, что смотрит он снизу вверх, я ощущаю невидимые предостерегающие волны, передающиеся от мужчины. Так выглядит отцовская забота. Полагаю, в случае чего, мне надерёт задницу человек в инвалидном кресле. Возможно, заслуженно, я всё ещё не готов сойти с намеченного пути к сердцу его дочери.

– Вы сейчас не обо мне думайте, – шутливо отвечаю я, кивнув подбородком туда, где недавно растворилась Джейн. – Сейчас она, вероятнее всего, сжигает ваши фотографии в своей комнате. Для девушки это вроде конца света. Момент позора и всё в подобном духе.

– Знаешь, сынок, ты поймёшь меня, когда сам станешь отцом дочери. Как бы не распределилась жизнь, куда бы не загнала, мне бы хотелось увидеть тебя будучи отцом и спросить, кто достоин твоей дочери.

– Вы шутите? – Я скрепляю пальцы в замок и хрущу костями, разминая ладони так, словно предстоит пустить в ход кулаки. В будущем так и будет. – Никто и никогда не будет достоин моей дочери. Я надеру их задницы, если приблизятся на пушечный залп. Только через мой труп.

– Вижу, ты понимаешь, – он похлопывает меня по спине и тихо смеётся.

– С ней всё будет в порядке? – Сбежав по лестнице, я оставляю палку у перил.

– Немного позлится, но да. Джейн не умеет долго обжаться.

– Рад был помочь.

Немного позже пользуюсь новым способом общения между нами. Беру чистый лист и пишу: **Не обижайся на него. Я бы поступил также.**

Скотчем прилепляю бумагу к окну, чтобы Джейн увидела и иду вниз перекусить.

Глава 7. Джейн

Уилл так и не убрал листочек, на котором упоминается о последней неловкой ситуации с папой. Бумага несколько дней приклеена к стеклу, как будто он забыл. Но он совершенно точно не забыл. Я уверена. Его рабочий стол примыкает к окну. И прежде чем отправиться в школу, я всё же пишу ответ, что всё в порядке. Может быть, именно этого он и добивается.

Не буду лгать, мне нравится общаться в таком формате. Кто-то другой на моём месте глазеет в экран мобильного днями и ночами, мы едва ли не обмениваемся почтовыми голубями. Да, тратим бумагу, следовательно, в мире почём зря идёт вырубка деревьев, активисты могут лишить жизни меня и Уилла, если узнают, для каких целей используем дары природы. Но, черт побери, разве это не романтично? Разве в этом нет очарования? Разве это не наша «фишка»?

– Удачного дня, котёнок! – Грохочет голос папы, как толь-

ко оказываюсь внизу.

– И тебе!

Я заглушаю внешний шум с помощью наушников и музыки, вышагивая к остановке, предварительно с тоской взглянув в сторону велосипеда. Скучаю по утрам, когда использую его в качестве средства передвижения. Но сейчас не покатаешься. К тому же не отпускает чувство, как будто кто-то хочет напасть со спины, поэтому инстинктивно оборачиваюсь и тут же начинаю размахивать руками, балансируя на ногах, потому что Уилл едва не налетает сверху. Он вовремя тормозит и ловит меня за талию, не позволив упасть.

Я вытаскиваю наушник, а Уилл убирает руку, убедившись, что нашла равновесие.

– Я пробежал целый марафон и почти сорвал голос, пока звал тебя, – он выравнивает дыхание, расставив ладони по коленям, я же замечаю приближающийся школьный автобус за его плечом.

– И ты сделал его напрасно, если не скажешь всё коротко и по делу.

– Что? – Он резко вскидывает голову и с замешательством смотрит на меня. – Почему?

– Потому что через пару минут автобус подъедет к остановке.

Он озирается и обнаруживает, что я говорю правду.

– Ладно, тогда коротко: ты не хочешь прийти к нам завтра?

– Когда именно?

– После восьми у нас намечается что-то вроде предпраздничной тусовки. На Рождество все разъедутся.

– А, да... Одри меня уже пригласила.

– Хорошо, – протягивает Уилл, медленно выпрямляясь.

Я обвожу взглядом его массивную фигуру, возвышающуюся надо мной, и переминаюсь с пятки на пятку. Волнение вовсе не из-за того, что Уилл выглядит устрашающе и отпугивает лишь одним видом, наоборот, с ним хочется находиться рядом, просто моё сердце учащает ритм по ряду причин. Я пытаюсь бороться с собой, чтобы не мямлить и не краснеть каждый божий раз, оказавшись в его компании. Мне нравится, что мы становимся друзьями; что не испытываю дискомфорта в его присутствии. Признаться честно, мне очень хотелось бы такого друга, как Уилл, потому что на большее не рассчитываю.

– Ты придёшь?

– Почему бы и нет? – Я неуклюже пожимаю плечами. – Мило с её стороны. Ты против?

– Наоборот, – Уилл обворожительно улыбается, клянусь, даже слышу за спиной несколько мечтательных вздохов. Родинка над верхней губой придаёт его внешности изюминку. Каждый раз, когда он улыбается, я едва не теряю голову.

– Тогда... увидимся?

– Завтра, – соглашается он. – И в среду.

Я закусываю губу.

– Я должна что-то принести с собой или вы снова закажите пищу?

– Ты что-то говорила про выдающиеся кулинарные способности. Я готов вжиться в роль дегустатора, если, конечно, у тебя есть желание накормить шесть голодных ртов.

Клянусь, Уилл видит тревогу на моём лице, но, наверное, у нас разные причины для её возникновения.

– Составишь список продуктов, мы всё купим, – добавляет он, снимая тяжёлую ношу с плеч. – Можем сделать это вместе. В среду кухня полностью в твоём распоряжении.

– Звучит заманчиво, – с предвкушением, я киваю. Не терпится стать хозяйкой на их кухне, хоть и на небольшой промежуток времени. – Думаю, вам понравится.

Уилл широко улыбается. Он буквально светится подобно солнцу.

– Обещаешь?

– Среди вас есть аллергики?

– Вроде нет, но Трэв ненавидит мёд и тыкву. Вроде всё.

– Во сколько я должна прийти?

– В любое время. Я и Рэй будем дома после обеда.

Уилл опускает взгляд на мои ноги и снова поднимает, вытащив телефон из кармана толстовки. Он протягивает его мне.

– Запиши свой номер. Я сделаю звонок, чтобы ты написала список продуктов.

Я вписываю свой номер и возвращаю Уиллу. Он тут же

делает звонок, и мобильник вибрирует в кармане. Теперь у меня есть его номер, но не думаю, что могу отправлять сообщения, когда душе угодно. Мы ещё не достигли того уровня дружбы, который предусматривает переписки.

И он очень странно смотрит на меня, склонив голову к плечу.

Я тщательно осматриваю себя, вдруг посадила пятно или того хуже, порвала или зацепилась за гвоздь. Всё чисто и цело. Рыскаю по карманам в надежде найти зеркальце, только вот загвоздка: я никогда не ношу его с собой. Такие мелочи на каждом шагу, а сейчас задумываюсь, что и мне бы не помешали такие «мелочи» для непредвиденных обстоятельств.

– Что-то не так? – Стараясь унять дрожь в голосе, я избегаю взгляд Уилла.

– Всё в порядке.

– Тогда почему ты так смотришь на меня?

– Как?

– Понятия не имею. Может быть, немного подозрительно?

Он запрокидывает голову назад, оголяя идеальный ряд белых зубов, и разражается хохотом, отчего мурашки бегут по коже. В моей голове пудинг вместо мозга, когда он смеётся, а это означает только одно: пора делать ноги, иначе расклеюсь и буду выглядеть жалко.

– Ну... увидимся? – Отступая, мямлю я.

– Это не подозрения, Джейн, – его смех угасает, но остаётся улыбка. – Я просто смотрю на тебя по-особенному.

Как на младшую сестричку или на девочку из начальной школы, я уже поняла. То есть, он видит во мне ту, кем быть не хочу. По крайней мере, не для него.

Уилл провожает меня взглядом, когда поворачиваюсь к подъехавшему автобусу, к окнам которого уже приклеились некоторые любопытные лица. В основном, зрители девчонки. Мне вовсе не хочется быть предметом перешептываний, но слишком поздно. Нас заметили разговаривающими.

– Джейн? – Зовёт он, когда присоединяюсь к очереди, чтобы подняться по ступенькам.

Я оглядываюсь через плечо, прежде чем скрыться в автобусе.

– Мы можем поделить приглашение пятьдесят на пятьдесят?

– Какое? – Сожму брови, пытаюсь вытянуть из памяти все диалоги, в которых было приглашение. Кроме сегодняшнего, конечно.

– Я про завтра. Пятьдесят от Одри. Пятьдесят от меня.

– Да, если для тебя это важно. Мы же друзья?

Уилл поджимает губы, но он один из тех, кто может улыбаться глазами.

– Да, друзья.

Мне вовсе не хочется быть друзьями. Неправильно чувствовать к другу то, что испытываю к Уиллу. Тем не менее посылаю ему улыбку и прохожу в автобус, заполучив десяток взглядов.

– Там было что-то интересное? – Спрашивает Киллиан, как только занимаю свободное местечко рядом. – Почему все девчонки устали в окно?

– Думаю, они пилились на Уилла.

Парочка за спиной тут же оживает, ухватившись за малюсенькую информацию. Я стараюсь не слушать их диалог, но он однозначно имеет пошлый подтекст. Как бы ни хотелось, но они слишком ярко и громко верещат о нём. Настоящее чудо, что сегодня не останусь один на один с горестными мыслями и терзаниями, как бы всё изменить. Как повзрослеть для Уилла. Как из начальной школы перешагнуть в старшую. Как перечеркнуть звание младшей сестрёнки.

– Уилл? – Киллиан поднимает бровь.

– Сосед. Догнал меня.

– Думал, ты не общаешься с ними. Они вроде как должны быть студентами со своим кругом общения.

– Так и есть. У них своя компания.

– И ты в ней?

Я закусываю щеку изнутри, не зная, какой ответ подходит под ситуацию.

– Ну... мы познакомились недавно. Это всё, что я могу сказать.

Не могу дать точное обозначение. Мы не знаем друг друга, а один день или вечер – не так уж и много. Мы не можем называться лучшими друзьями, но разве только что не получила подтверждение от Уилла? Мы всё же друзья.

Я рассказываю о прогулке с Одри и Вики, не умалчиваю и про просмотр фильма в их компании. Единственное, что не упоминаю: бессонную ночь. Это было между мной и Уиллом, хоть и в обмене «сообщениями» не было ничего сверхъестественного. Почему-то именно этот момент сохраняю для себя. Хорошие друзья достаются тем, кто тоже может быть хорошим другом. Я знаю, что смогу сохранить в тайне всё, что он когда-либо решит доверить мне.

– Пойдёшь к ним ещё раз?

– Меня пригласили в среду и... завтра. Что-то вроде пред Рождественской вечеринки.

Киллиан с гордостью улыбается, потормошив меня за плечо.

– Будь осторожна, ты совсем их не знаешь. Не хочу, чтобы кто-то сделал тебе больно.

– Спасибо, Килл, всё будет в порядке.

На школьном дворе меня кто-то ловит и останавливает за руку.

Обернувшись, обнаруживаю не кого иного как Ноа. Он недвусмысленно смотрит на Киллиана, я же последнее, чего желаю – остаться с ним тет-а-тет. В воздухе повисает напряжение, и виной тому Киллиан, который не слишком уж симпатизирует Ноа.

Он скребёт подбородок, на котором пробивается тёмная щетина, продолжая сверлить Киллиана холодными голубыми глазами.

– Джейн? – Зовёт Киллиан, и в тоне улавливаю предостережение.

Я сглатываю и отрывисто киваю.

– Всё в порядке, я догоню тебя.

Киллиан выразительно смотрит на меня, без слов спрашивая: «Уверена?». Я снова киваю.

Он всё же отклоняется в сторону, но несколько раз оборачивается. Я стараюсь вынудить себя улыбнуться, чтобы заставить в большей степени себя, нежели друга.

– Слушай, тебя уже пригласили на весенний бал? – Ноа сдвигается, отрезая пути и заслоня собой отдаляющегося Киллиана. Он запускает пятерню в густые чёрные волосы, которые пора бы постричь. За локонами можно заметить гвоздик в мочке уха, что по непонятным причинам отталкивает. – Хотел пригласить тебя.

Я потрясена. Во-первых, приглашением. Во-вторых, негрубым нажимом. Ноа не делает это в высокомерной манере, как будто снизошёл с небес, а я непременно должна кинуться к нему на шею.

– Спасибо, но у меня другие планы. Дело не в тебе, а в том, что я не собиралась идти.

– Всё равно подумай. Ты симпатичная, Джейн.

Он отступает и направляется к дверям.

Я ещё недолго смотрю вслед парню и не сомневаюсь в принятом решении.

Симпатичная.

Это единственное, чем обусловлено приглашение? Моя внешность – это и есть причина?

Я словно кукла, которую можно взять на время, поиграть и бросить к остальной куче надоевших игрушек. Может быть, комплимент способен растопить чьё-то сердце, я же испытываю толику оскорбления. Как будто быть *симпатичной* – это всё, что могу. Мой предел. Наивысшая планка. Можно добавить, что не испытываю к Ноа ничего. Я не буду тратить своё и чужое время, если мысли заняты другим человеком, и тем более не прибегну к вызову ревности. Игра с чувствами имеет пагубное влияние.

В коридоре цепляю внимание некоторых девчонок, подзревая, что дело как раз-таки в Ноа, с которым была замечена несколько минут назад.

Но всё обстоит иначе.

Неохотно ловлю парочку фраз и конкретное имя, сжимаюсь едва ли не в три погибели. Я знала, что слухи по школе разлетаются с невероятной скоростью, но не думала, что она быстрее скорости света. Подумать только: стоит кому-то увидеть тебя с парнем, да, обаятельным, как становишься предметом для сплетен. Мне не по себе, что отныне дружелюбие сверстников не что иное, как пыль в глаза. Удивительно, что столкновение с Уиллом способно многое поменять.

Я занимаю привычное место в классе, как в кармане вибрирует мобильник, на экране которого обнаруживаю сообщение: **Ты так и не ответила, купить продукты без тебя**

или съездим в супермаркет вместе.

– Что там? – Киллиан проникается любопытством, но не наглеет и не заглядывает в экран.

Натягиваю улыбку, потому что стоит имени слететь с губ, как на голову опустится водородная бомба.

– Ничего.

– Чего хотел Тейлор?

– Тейлор? – Я свожу брови, пытаюсь угнаться за сменой темы, но сознание сосредоточилось на сообщении от Уилла.

– Ноа, – Киллиан вежливо помогает моим шестерёнкам закрутиться в привычном ритме. – Ноа Тейлор.

Конечно, я прекрасно понимаю, как глупо выгляжу, тем не менее не оставляю его без ответа.

– Пригласил на весенний бал. Я отказалась.

– Одобряю это решение.

– Почему?

– Потому что всякий раз, когда с Тейлором видят девчонку, она хоронит свою репутацию и обрастает слухами. Никогда не поверю в его благие намерения.

Я коротко киваю и склоняюсь над мобильником, чтобы не оставлять Уилла без ответа: **Можно вместе после уроков.**

Согласие было необдуманном, только вот пожалею, если упущу возможность узнать его получше. Компания Уилла пойдёт на пользу. Если смогу держать себя в руках, то в будущем будет крошечный опыт в общении с понравившемся парнем. Уилл – это испытание на прочность; урок, как не

выставить себя дурой.

К вышеупомянутому добавляю: **Они доживут до среды?**

Уилл отвечает мгновенно: **Что насчёт среды после уроков? Сегодня занят до вечера:(**

Я чувствую лёгкое огорчение, но воспаряю духом, подумав о завтрашнем дне. Непринуждённая атмосфера и множество людей вокруг в моём случае отличный вспомогательный инструмент. Когда вы наедине сбежать некуда, но вот в компании внимание всегда переключается между присутствующими.

Уже откладываю телефон, отправив согласие, как экран снова вспыхивает: **Непривычно так общаться.**

Я украдкой улыбаюсь и пишу: **Приноровился к бумаге?**
Точки пляшут в уголке экрана, и вскоре появляется: **Заказал парочку чёрных маркеров и несколько пачек бумаги на всякий случай;)**

Поёрзав на стуле, я не осмеливаюсь задать вопрос, полагая, что вновь получу положительный ответ. Каждый раз спрашивать, флиртует ли он, было бы высшей степенью глупости и тупости. Но Уилл держит меня в подвешенном состоянии, что неплохо нервирует. Я ещё не поняла: это его обычное общение со всеми или стоит воспринимать иначе.

И я, возможно, снова поступаю неправильно, когда свожу переписку в нелепую шутку: **Говорят, рисование успокаивает нервы, кстати, ты можешь убрать листочек. Я**

прочитала пару сотен раз.

Уилл отправляет несколько смеющихся рожиц и добавляет: **Уже сделал это, как только получил ответ. Разговаривай со мной, Джейн.**

Я сглатываю ком в горле, потому что мы обходными путями достигли слабого, уязвимого места. На первый взгляд, диалог – самый доступный способ найти взаимопонимание, но стоит только закопаться в себе, как снять несговорчивые слои луковицы покажется той ещё задачей.

Вероятно, я задержалась с ответом, потому что Уилл отправил следующее пару минут назад: **Прости, увидимся завтра.**

Хочется биться головой о стену из-за разочарования в себе, но несмотря на это, не оставляю предыдущее сообщение без внимания и быстро набираю, попытавшись сгладить разговор: **Ты прав и прости за это, было интересно проверить твою выдержку, а ещё думала, что ты забыл или банальная лень.**

Я вовсе не надеюсь, что он прочитает сообщение сразу и тем более не жду ответ, но Уилл не мучает ожиданием: **Я о-о-о-очень выносливый, ты даже не представляешь насколько;)**

Удивительно, как с ним легко.

Глава 8. Уилл

– Мистер Каллоувей, задержитесь.

Я торможу, услышав голос профессора Левенстайна и свою фамилию.

– Удачи, – парни по очереди хлопают меня по плечу. Они не знают причину, по которой просят задержаться. Но я догадываюсь, как и Грей.

Он поднимает два больших пальца вверх и обнажает многообещающую улыбку.

– Уверен, ты ещё будешь умолять об увольнении, когда распробуешь все прелести *взрослой* жизни.

Вряд ли.

Толпа расходится и в аудитории воцаряется гробовая тишина, её нарушает топот моих ног, когда прокладываю обратный путь к рабочему столу профессора. Он собирает чемодан, но следит за мной поверх оправы очков, из-за чего ощущаю прилив волнения. Его решение буквально решит моё будущее. Впервые в жизни чувствую себя уязвимым и

неуверенным, потому что завишу от другого.

Он сдвигает чемодан в сторону, берет стопку листов и выравнивает её, постучав по столу.

– Вы первокурсник, мистер Каллоуей, – вежливо и в то же время серьёзно, парирует мужчина.

Я отрывисто киваю.

– Да.

– Вы уверены, что справитесь с поставленной задачей? Уверены, что хотите отказаться от полноценной студенческой жизни в пользу скучной бумажной волокиты?

Мои брови взмывают к потолку.

Это последний шанс доказать, что могу справиться с любой поставленной задачей, даже если придётся вылезти из кожи вон и забыть о тусовках, девчонках, свободном времени, отчасти личной жизни тоже. Но лишь последний факт сушит горло.

Я думаю о Джейн.

Джейн, о которой могу забыть до... до-хрен-знает-какого-времени. Жизнь закрутится вокруг футбола, учёбы и тесной работы с профессором. Я действительно не готов лишиться некоторых важных для меня аспектов: футбола и Джейн. Возможно, забегаю вперёд, едва ли не поженив нас, но не могу не думать о том, сколько времени упустим. Не могу обещать быть рядом каждый день, если по горло завален работой и тренировками. Но могу постараться успеть. В конце концов, намного хуже, если не попытаюсь.

– Вижу, заставил задуматься, – замечает профессор, коротко улыбнувшись. Вокруг его пронизательных карих глаз залегли морщинки, седые волосы торчат в разные стороны. Он выглядит как безумный учёный на пороге нового открытия, над которым работал по меньшей мере десятки лет. – Я рад видеть ваши достижения как спортивной, так и в учебной сфере, и был удивлён, когда узнал о намерении стать моим ассистентом. Но не уверен, что вы сможете угнаться за всем.

– Смогу, – без раздумий выпаливаю я, совершенно не подумав и, тем самым выразив желание получить должность.

Вздохнув, я не вижу смысла идти на попятную и ставить под сомнения принятые когда-то решения. Стоит только сдать назад, как навсегда заклеишь себя ненадёжным человеком и все последующие попытки не воспримут всерьёз.

– Я бы не стал выставлять свою кандидатуру, если бы не был уверен, профессор. Я справлюсь.

– В таком случае, – он сдвигает стопку листов на край стола, ближе ко мне. – Я могу доверить вам проверку эссе?

Уставившись на работы, язык не поворачивается сказать, что сегодня грёбанный вторник и в доме будет толпа. Сегодня Коди дал добро на тусовку. По-видимому, тусовку, на которой меня не будет. Тусовку, на которой будет присутствовать Джейн, но не будет меня. Я чувствую что-то горячее, и на данный момент пылает моя задница.

– Можете, – с хрипотцой в голосе от разочарования, подтверждаю я. – Когда я должен вернуть их вам?

– Вы оцените их по достоинству и вернёте студентам. Если кто-то выскажет несогласие, ваша обязанность аргументировать. Мой совет: не завышайте оценки друзьям, отныне ваша задача научиться расставлять границы между учеником и учителем. Вы учитель, мистер Каллоуей, относитесь ко всем на равных. Это ваша прямая обязанность. Это ваша работа.

С этими словами он сгребает чемодан и направляется к выходу, оставляя меня наедине с противоречивыми ощущениями. Оставляя меня с тем, что должен научиться говорить проклятое «нет» и забыть о снисхождении.

Настроение изрядно портится на последующие несколько часов. Стоит взглянуть на рюкзак, где лежит стопка эссе, как накатывает беспомощность, и в неподходящий момент раздаётся звонок от мудоРоланда. Знаю, что это не лучшее время для разговора по душам, поэтому сбрасываю вызов и набираю сообщение: **Кончай звонить мне. Мы не друзья.**

Руки так и чешутся добавить, что, возможно, мы и не родственники. По крайней мере, мне бы очень этого хотелось. У них вошло в традицию: ежедневные безответные звонки. Сначала это делает мама. Она звонит ровно в пять часов, считая поздние звонки дурным тоном. На следующий день это делает отец либо утром, либо поздним вечером. *Дурной тон* для него – слово из китайского словаря. И в доверше-

ние Роланд. Бесконечный адский круг, который никак не могу разорвать. Разговоры всегда те же: фальшивый интерес к жизни, и плавный переход, что должен заняться чем-то посерьёзнее. От их наставлений и указаний мутит.

– Он уже скинул на тебя пыльную работёнку? – Интересуется Грей, когда делаем перерыв на обед, после которого должен заехать за Джейн и отправиться в супермаркет. Встреча с ней единственное, что скрашивает угрюмость.

– Не говори никому, – негромко прошу я, стараясь прислушаться к оживлённому трёпу парней из команды. Они твёрдо вознамерились сделать сегодняшнюю тусовку претендентом на «Тусовку года».

– Не придётся, – Грей отпивает газировку и постукивает пяткой по полу. – Когда сядешь по правую руку от профессора, все будут знать, чью задницу нужно поцеловать, чтобы повысить средний балл.

– Не получится.

– Моё эссе тоже в твоём чудо-рюкзачке?

– Да.

Он пихает меня локтем.

– Да ладно, чувак, я не расплачусь от горя, если ты запрешь мою писанину. Набросал на скорую руку. Мне кажется, я вообще был под кайфом, когда взял ручку в руки.

Его откровение заставляет улыбнуться.

– Ты писал от руки? – Я хочу рассмеяться, когда вижу перекошенное от ужаса лицо. – В каком веке живёшь?

– Как хорошо, что он доверил это дерьмо тебе. Когда увидишь мою фамилию, выброси эту хрень в ближайший мусорный бак.

– О, ну уж нет, – покатываясь со смеху, я ласково похлопываю по рюкзаку. – Я прочитаю твоё первым.

Грей пренебрежительно отмахивается.

– Надеюсь, ты не разберёшь мой кривой почерк.

– Ладно, должен идти, – я резко поднимаюсь на ноги, едва не свернув поднос с тарелками на Дина.

– Твою мать, Каллоуей, какого хрена так пугать! —

Брюзжит он, и я не глядя треплю его за плечо.

– Держи защиту.

– Я в нападении.

– Горжусь тобой, чувак, – я посылаю ему самую очаровательную улыбку, на что товарищ закатывает небесно-голубые глаза и шлёпает по *моей* заднице. Не обращаю внимания на манеру его общения. За последнее время я получил столько шлепков по заднице, что начинаю сомневаться в ориентации некоторых знакомых.

– Я думал, мы выберем друг другу наряды на вечер, – язвит Грей, над чем посмеивается рядом сидящий Кертис. – Я не справлюсь один.

Я окидываю взглядом выбранные им сегодня свитшот и светло-голубые джинсы от Кельвина Кляйн, образ дополняют серебристые наручные часы того же бренда и беленькие

кроссовки. Ходячая реклама брендов.

– Если потеряешься в собственной гардеробной, позвони мне или в службу спасения. Кто-нибудь из нас обязательно найдёт твою дизайнерскую задницу среди кучи тряпья.

– Эй, это же Кельвин! – Надувается Грей, приглаживая свитшот в области груди и поговаривая: – Он просто ничего не смыслит в стиле.

– Ты разговариваешь с одеждой.

– Уноси свою задницу, Каллоуей, пока не увидел меня в гневе.

Я смеюсь и салютую на прощание.

– До вечера.

Пулей вылетаю из столовой и на повороте сталкиваюсь с девчонкой, которая от неожиданности роняет сумку и её содержимое подобно извержению вулкана разлетается в разные стороны.

– Вот чёрт, прости, – протараторив, бросаюсь всё собрать и как можно скорее поймать такси.

Кажется, сегодня я мечу завоевать почётные несопоставимые титулы «Мистер Неприятность» и «Мистер Удача», как бы к ним не прибилась ещё парочка идентичных.

Если судить по улыбке, предназначенной мне, девчонка вовсе не против повтора сценария. В моих планах нет ничего подобного. Я игнорирую получаемые недвусмысленные намёки и, собрав с кафеля всё, что удалось найти, вручаю хозяйке и делаю ноги, забыв о произошедшем, как только ока-

зываюсь на улице. В спешке надеваю куртку и пытаюсь поймать такси, в то же время набираю сообщение Джейн: **Ты уже освободилась?**

Спустя минуту получаю несколько вопросительных знаков, и до меня наконец-то доходит.

ГРЁБАНЫЙ ВТОРНИК.

Мы договаривались на среду.

Мистер Неприятность.

Мистер Удача.

И-и-и-и... барабанная дробь «*Мистер Беспорядок*».

Глядя на фонарный столб, мне хочется биться головой. Я перевожу взгляд на рюкзак, внутри которого стопка эссе, после чего на экран мобильного, делая выбор меж двух огней.

Пальму первенства занимает Джейн.

Я пишу: **Прости, в голове каша, я перепутал дни. Если у тебя нет планов, можем съездить за продуктами сегодня. Сэкономим время завтра.**

Подкупает и то, что Джейн не набивает себе цену, не заставляет томиться в ожидании. Она легко идёт на контакт и отвечает мгновенно: **Можем сегодня, я ещё в школьной библиотеке.**

Я тут же нажимаю клавишу вызова и слушаю гудки. Не звучит даже третий, как она принимает вызов.

– Ты хочешь подставить меня? – Шепчет Джейн, и мир заметно светлеет.

Я смеюсь и ощущаю прилив сил, слушая её неровное ды-

хание.

– Почему?

– На меня уже смотрят как на прокажённую. Я нарушаю тишину.

– Тогда зачем приняла звонок?

– Потому что... – она ненадолго замолкает, а я не перестаю улыбаться подобно идиоту. – Ладно, я освобожусь через полчаса. Идёт?

– Идёт, морковка. Напиши адрес школы, я на такси.

Джейн обещает отправить его в сообщении, и я с неохотой сбрасываю вызов, чтобы она не стала предметом для недовольства присутствующих.

Спустя некоторое время словно возвращаюсь в прошлое, ступив на школьный двор, и не буду кривить душой, это приятное чувство дежавю. Мне нравилось в школе. Беззаботное время, почти никакой ответственности.

Несколько громких компаний на парковке, суета и спешка. Я не так уж и сильно повзрослел, но ощущаю себя белой вороной. Кто-то озирается и с интересом рассматривает. Новеньких всегда видно издалека: они выглядят потеряшками. Я именно та самая потеряшка. В движении сталкиваюсь с парочкой парней и собираю лестные улыбки девчонок. Я мог бы сказать, что перерос и не заинтересован, но солгу, потому что жду их ровесницу. Каким-то чудом в ладони появляется бумажка, в потоке людей не успеваю понять, кто её сунул. Конечно, чёрт возьми, там номер мобильного и ничего боль-

ше. Она летит в урну, а в лицо – футбольный мяч, который вовремя перехватываю в нескольких дюймах от носа.

– Извини! – Выкрикивает какой-то парень с парковки, а его друг недалеко от меня осыпает приятеля шутливыми оскорблениями. – Отлично сработал.

Я бросаю мяч, и он ловко подхватывает его в воздухе.

– Удача новичка или что-то другое? – Он убирает мяч подмышку, и обращается ко мне, расставив кулаки по бокам так, чтобы с гордостью засветить толстовкой члена футбольной команды. – Не хочешь сыграть?

Я шевелю пальцами, предлагая размяться.

Он делает новый бросок, на этот раз приложив больше усилий. Я подпрыгиваю, перехватываю мяч и совершаю обратный пас. И он тоже успешно ловит его.

– Неплохо, – улыбается незнакомец, его одобрение подтверждает парочка приятелей. – Ты, случайно, не новенький?

– Нет, – я искоса слежу за центральной дверью, чтобы не упустить появление Джейн. Компания парней отталкивается от бампера пикапа и открывают двери.

– Жаль, нам в команду как раз нужен лайнбекер.

– Удачных поисков.

Ощувив на себе знакомый взгляд, я поворачиваю голову и перехватываю внимание Джейн.

Укутавшись в пуховик нежно-розового оттенка, подчёркивающий кремовую кожу и лёгкий румянец, Джейн поправ-

ляет белую шапку, залезающую в глаза, и сбегает по лестнице. На её губах осторожная улыбка, как будто она боится проявить эмоции, чего не сказать обо мне. Я, кажется, улыбаюсь так широко, насколько позволяет мимика. В груди что-то шевелится, и я не в силах отделаться от тоски, которая появилась с момента последней встречи. Даже если это прозвучит абсурдно: я скучал по ней задолго до того, как мы познакомились.

– Привет, – я сдерживаю порыв рассмеяться, потому что, кажется, она всегда здоровается, когда волнуется. – Нашёл новых друзей?

– Почти поймал мяч головой, мог уехать на скорой, не дождавшись тебя.

В её красивых глазах появляется беспокойство, с которым она рассматривает меня на наличие травм.

– Ты в порядке?

– Почти поймал, – подмигнув, напоминаю я.

Джейн отводит взгляд и кивает на приятеля.

– Это Киллиан.

Я нехотя отвожу взгляд от её лица и встречаю пронизательные голубые глаза, которые с недоверчивостью изучают меня. Не сильно удивлюсь, если парень тайно влюблён в неё и готов вжиться в роль защитника. Ему придётся сдвинуться, потому что я тоже не намерен отступать. Некоторым критически не хватает уверенности, возможно, в другом случае, он уже давно мог занять роль кого-то побольше. Мог стать тем,

кто сопровождает её на выпускной и, чего уж там, станет первым парнем. Всё это произойдёт разве что через мой труп. Эта девушка буквально запатентована мной, другими словами: она принадлежит мне. Надеюсь, он способен прочитать это по моим глазам.

– Если кто-то из вас обидит её, я выжгу дом дотла, – не колеблясь, заявляет он.

Я удивлённо вскидываю брови. Совершенно неожиданный поворот событий. Может быть, я ошибаюсь насчёт его чувств к ней.

– Никто и не думал её обижать, – я протягиваю ладонь для знакомства, которую парень пожимает, всё ещё не проникаясь доверием. – Уилл.

– Киллиан, – он обращается к Джейн и выпускает мою ладонь: – До завтра?

– До завтра.

– Напиши решение вечером, я проверю.

С этими словами он отклоняется в сторону школьных автобусов.

– Милый у тебя приятель-математик, – шутливо замечаю я. – Едем за продуктами?

Джейн согласно кивает, но замечаю, как она сжалась и старается не оглядываться, избегая внимания сверстников.

– Всё в порядке? – Интересуюсь я, прокладывая дорогу к проезжей части.

– Не совсем, – тихо отзывается она, шагая нога в ногу.

– Почему?

– Потому что все смотрят.

– Тебя это беспокоит?

– Да. Не люблю лицемерие.

Такое чувство, что дело во мне, и это изрядно угнетает. Я почти уверен, что имею прямое отношение к тому, что её тревожит, но так и не спрашиваю. Никто не хочет, чтобы его ранили.

– Просто... – Джейн проскальзывает в такси, когда открываю дверцу и предлагаю ей занять место. – Не обращай внимания, сегодня ужасный день.

– Мы всё исправим, – заверяю я, усаживаясь следом. – Неважно как начали, главное, как финишировали. Вечером не вспомнишь, что было утром.

Джейн с благодарностью смотрит на меня.

– Ты оптимист, Уилл.

Я ободряюще улыбаюсь.

– А ты?

– Думаю, я тоже.

– Сейчас проверим, – я шарю по дну рюкзака и вытаскиваю бутылочку для воды. – Что видишь?

– Бутылку с водой, – с толикой непонимания, произносит она.

– Пессимист скажет, что бутылка наполовину пуста. Оптимист скажет, что она наполовину заполнена. Думаю, ты реалист. Ты видишь бутылку с водой.

– А что видишь ты?

– Второй вариант. Но быть реалистом, наверное, намного лучше.

– Верь в лучшее, готовься к худшему, – она стягивает шапку, и я немного огорчаюсь, когда наблюдаю собранные волосы в хвостик на затылке. Она выглядит невероятно, распустив их. Надеюсь, сегодня вечером мне выпадет удачная карта.

– Куда направляемся? – Вмешивается таксист, прерывая нашу беседу.

– В любой ближайший Си-Таун¹¹.

Мужчина выруливает на дорогу, а я снова переключаюсь на Джейн. Она завоёвывает всё внимание, когда находится рядом. Не уверен, чтобы способен заметить танк, несущийся на меня, находясь в её компании.

– Что в меню?

– Тарт татен, – Джейн закусывает губу, и заметив кучу вопросов на моём лице, торопится объяснить: – С французского «перевёрнутый пирог».

– Французская кухня значит, – протягиваю я. – Неплохо.

– Всего лишь *неплохо*? – Смеюсь, дразнит она, а я в который раз дурею, увидев ямочки на щеках. – Это высокая кухня, Уилл!

– Уилл, – вырывается раньше, чем срабатывает нужная из-

---

¹¹ STown Supermarkets – сеть независимых и управляемых супермаркетов, действующих на северо-востоке Соединенных Штатов.

вилаина.

Ради всего святого, почему у меня крыша плывёт?

– Ведь так тебя зовут.

– Мне просто нравится, когда ты называешь меня по имени.

Джейн успевает отвернуться к окну, прежде чем румянец раскрасит её щеки.

– Когда я сказал «неплохо», имел в виду фантастически, Джейн, – наклонившись к ней, тихо произношу я, наслаждаясь ароматом конфет, которыми она пахнет, и звучанием имени. Но оно намного идеальней, когда в паре с моим.

Глава 9. Уилл

На первом этаже грохочет музыка так, что пятки вибрируют, а у карандаша своя вечеринка на столе. Я отвлекаюсь на шум, понимая, на что только не обратишь внимание, лишь бы не заниматься делом. Смотрю в одну точку, как умственно отсталый, грызу чертовски вкусный колпачок шариковой ручки и перевожу взгляд на окно соседского дома.

Тусклый свет ночника освещает одинокую комнату. Может быть, пропустил тот момент, когда Джейн собиралась и её тень мелькала за стеклом. Сам не могу похвастаться активной жизнью.

Над головой нависает напольный торшер, освещая белый лист бумаги, он же является единственным источником света битые два часа с момента заката. Глаза мозолит всё та же стопка эссе, которые не прочёл. Не уверен, что кто-то в самом деле их читает. Вероятно, мы – рабы-ассистенты – созданы для муторных обязанностей, потому что моя крыша начинает протекать уже на десятой работе.

Я начинаю подумывать, что Джейн давно пришла к нам, а я так и остаюсь по горло завален треклятыми эссе. Чертовски злюсь, что неудачная карта выпала именно сегодня, как будто вселенная целенаправленно вставляет палки в колёса. Как будто это грёбанный знак. Спойлер: никогда в них не верил.

Предпринимаю очередную безуспешную попытку вникнуть в наискучнейший текст, от которого глаза собираются в кучу и закатываются к мозгу, но, разумеется, терплю фиаско. В конце концов, снимаю ноги со стола, куда закинул ранее, и бросаю пачку уничтоженной каким-то умником бумаги. Каждая косточка в теле хрустит, мышцы затекли и отзываются ноющей болью. Не помню, когда последний раз не двигался на протяжении нескольких часов. Я, конечно, менял позы, даже успел покружить по комнате, чтобы вовсе не атрофироваться, но тоже тщетно.

В итоге делаю небольшую разминку и натягиваю футболку, прежде чем выйти из комнаты.

И когда делаю это, оказываюсь в другом мире.

Мимо проскальзывают хихикающие девчонки в костюмах заек, после них натыкаюсь на дьяволиц и ангелов, и в конечном счёте в мой живот какой-то бухой пират целится игрушечной пушкой, а на его плече восседает не менее игрушечный сине-жёлтый попугай ара.

– Конфеты или жизнь, – он еле волочит языком, а его глаза буквально посылают друг друга на хрен. Наверняка только

сошёл в порту, предварительно убив пару бутылок рома в одной из точек Карибского моря.

– Рождество на дворе, мистер Коттон¹², – смеюсь я, когда обхожу его покачивающуюся фигуру.

Я искренне ошеломлён тем, как много людей выбрали костюмы и более того успели их найти, чего не потрудился сделать сам. Чёрт, да я даже не был в курсе, что есть тематика.

Спускаюсь по забитой до отвала лестнице и выискиваю знакомые лица.

В планах была небольшая предпраздничная тусовка, но что-то явно пошло не так. В доме еле протолкнуться и, кажется, это ещё не все гости. Каждую минуту порог переступают новые люди. Ни для кого не секрет, что студентам нужен малюсенький повод и место. И да, никого не смущает, что сегодня вторник.

В общей гостиной нахожу несколько парней из команды, к ним удаётся пробиться. Надеюсь, никто не решит разгромить дом, устроив потасовку. Вряд ли Коди будет в восторге, а потом не сильно обрадуется его отец. Мы тут едва ли не на птичьих правах, хоть и обжились.

– Тебя где носит? – Кертис перекрикивает музыку, обращаясь ко мне. На нём костюм Бэтмена, плотно прилегающий к телу, из-за чего можно без труда обвести кубики пресса и, чего уж там, член. Его ореховые глаза заговорчески блестят в прорезях маски на лице, а на губах коварная усмешка.

---

¹² Коттон – немой пират в команде Джека Воробья.

– Я что-то пропустил?

– Какой-то чувак обдолбался, – весело выкладывает другой товарищ по команде. Джона явно забавляет то, от чего не в восторге я. – Его стошнило на ваш обеденный стол.

Я морщусь от отвращения и смотрю на часы, на которых часовая стрелка перевалила за девять вечера, после чего обвожу взглядом присутствующих, в надежде отыскать Джейн. Но не нахожу.

Вздохнув, возвращаюсь к активной болтовне поверх музыки.

Парни, кажется, за минуту перелопатили миллион тем. Я же подхватываю пиво с журнального столика и делаю глоток, но вместо хмеля в горле першит разочарование. Джейн – единственная девушка, которая динамит меня и моё приглашение. Я не умею говорить «нет», но и мне никто никогда не отказывал.

– Эй, сотри с лица эту кислую мину! – Грей пихает меня локтем, пытаюсь оживить.

Разражаюсь хохотом, когда прогуливаюсь взглядом по его яркому красно-зелёному костюму одного из приспешников Санта Клауса. Я оценил их желание быть-в-теме.

– Санту хватит приступ, когда он увидит гнома-переростка на стероидах, – дёргаю его за загнутый на бок колпак и киваю подбородком на ноги: – Отпадные колготки, в задницу не врезаются или ещё куда?

– Это гетры, придурок, – возражает приятель.

– Где откопал? Ограбил кого-то на Бродвее?

– Ты один без костюма.

– Кстати, да, это не похороны, – поддерживает Джон, приглаживая чёрный балахон, а на его плече болтается маска из фильма «Крик». Компания с презрением рассматривает меня. – Кем ты вырядился?

– Твоим будущим преподом, – Грей давится смешком, а я делаю большой глоток и изучаю банку Natural Light¹³.

Кто притащил эту хрень с привкусом дерьма? Ему бы руки оторвать.

Очередной раз путешествую по малознакомым лицам, среди которых не нахожу Джейн, зато обнаруживаю тройку девчонок, пляшущихся в нашу сторону. Всё решает один мимолётный взгляд. И вот они уверено двигаются в нашу сторону. Я был бы рад, если бы одной из них была Джейн. Как бы не так. Каждый раз, когда бросаю взгляд на часы, они как бы спрашивают: «Чувак, ну какого хрена?». Действительно: какого, мать вашу, хрена?

К сожалению, моему, конечно, сожалению, одной из мишеней оказываюсь я.

Кристалльно чистые голубые глаза изучают меня. Сканируют от макушки до пят, как будто смогут понять, чем можно заинтересовать, какую тему поднять, что я из себя представляю. И, в общем-то, к десяти вечера я уже не сильно со-

---

¹³ Natural Light (иногда Natty Light) – американский низкокалорийный светлый лагер.

противляюсь.

– Где ты откапал эту безвкусицу? – Спрашивает девушка, указывая на банку в моих руках.

– Понятия не имею, но вкус всё-таки есть.

Она насмешливо дёргает светлой бровью так, что та едва не смещает мышинные ушки с головы. Девчонка вовремя их ловит и возвращает ободок на место.

– Какой?

– Дерьма.

И разочарования.

Особенно разочарования.

Но замечание оставляю при себе.

Возвращаю банку на столик и снова оглядываюсь.

– Ты кого-то ждёшь? – Продолжает она, отследив траекторию моего взгляда.

Я коротко улыбаюсь.

– Знамение, – ловко выхожу из ситуации и остаюсь чистеньким. Впрочем, этого достаточно, потому что моя собеседница улыбается.

Последующие десять минут сравнимы с вечностью.

Я стараюсь поддержать беседу, но выходит криво. Девчонка не сдаётся, старается удержать наплаву мёртвый диалог любой темой, пока я то и дело озираюсь на входную дверь. И в один прекрасный момент его переступает нужная девушка.

– Прости, должен отлучиться.

Я даже не делаю вид, что жду ответ. Бросаюсь к Джейн,

протискиваясь между людьми, и ближе к парадной чувствую себя изрядно потасканным, потому что кто-то успел пролить на мою футболку алкоголь. Она замечает меня в тот самый момент, когда меня выплёвывает толпа, и робко улыбается, неторопливо шагая навстречу.

– Ты припозднилась, – улыбаюсь я, потирая шею.

Джейн пожимает плечом и заводит длинные локоны за ухо, от которых я прихожу в сумасшедший восторг. Когда она распускает волосы, выглядит на пару лет взрослее, и меня уже не так сильно сжирает совесть за то, что собираюсь раз и навсегда забрать её у сверстников.

– Домашку никто не отменял, – она выглядит немного уставшей. – Математика та ещё мучительница.

Я что-то упомянул о знамении, так вот же оно.

– Могу помочь. Я неплохо разбираюсь.

– Спасибо, я справилась. Не без помощи, конечно, но ответ верный, это уже хорошо.

– Отец?

И я снова мысленно прошу вселенную пойти мне навстречу. Прошу чёртово «да».

– Киллиан, – Джейн разбивает надежды одним словом и подсказывает: – Приятель-математик, если ты забыл.

Не будь ревнивым придурком, – говорю себе. – Не. Будь. Идиотом.

– Повезло, – в конечном счёте, киваю я. – Мне бы в школе такого друга.

– Килл обожает математику.

Килл, ты хоть осознаёшь, что встал у меня на пути?

Черт возьми, мы разговариваем о каком-то школьнике. Я стараюсь подавить назревающую бурю в душе, потому что должен с уважением относиться к её друзьям. Но определённо злюсь. Это не похоже на меня.

Джейн внимательно рассматривает моё лицо.

– Ты в порядке?

– В полном.

– Хорошо, – она явно не доверяет услышанному, но не копает глубже. Я рад и одновременно нет. Вся эта непонятная атмосфера недосказанности между нами сводит с ума. – Вы не говорили, что вечеринка костюмированная.

– Для меня это такая же новость, – указываю на свою стандартную одежду футболку и джинсы. – Но ты прекрасно выглядишь.

Джейн немного улыбается, я же путешествую по однотонному вязанному платью в нежно-розовом цвете с прорезями по бокам, из-под него выглядывают чёрные кружева то ли от юбки, то ли от шорт. Под плотным материалом не разглядишь, что там под низом. Рукава закатаны до локтя, и на одном из запястий тонкая золотистая цепочка с круглым медальоном. Я роняю взгляд на замшевые черные сапоги выше колена. Открытый участок ног не остаётся без внимания. Примерно минуту я пялюсь вниз, представляя, каково это – оказаться между них. На этот раз не останавливаю по-

лёт фантазии, потому что Джейн однозначно привлекает меня. Очень привлекает. Прямое тому доказательство твердеющий член. Мысль о её шикарных ногах вокруг моей шеи – один из способов самоубийства. Это даже хорошо, что никто не умеет читать мысли, потому что, узнав Джейн, куда хочу её поцеловать и о чём думаю, она, вероятно, пошлёт меня куда подальше, назвав извращенцем.

– Налить тебе что-нибудь? – Я прочищаю горло, пытаюсь отлепить глаза от всё тех же умопомрачительных ног.

– Нет, спасибо. Я не пью.

– Колу?

Она поднимает руку и показывает стаканчик, который упустил из виду. Действенный способ отвлечься.

– Сейчас ты должна сказать, что налила её самостоятельно, а не получила от кого-то на входе.

Джейн закусывает губу. Это и есть ответ.

– Ты пила из него?

– Не успела...

Я забираю стаканчик с сомнительным содержимым, и, конечно, наши пальцы касаются друг друга на долю секунды. Внутри меня проносится бешеный импульс.

– Не принимай ничего из рук незнакомца, Джейн, даже газировку, – медленно проговариваю я, старательно поддерживая зрительную связь и не опуская на губы. – Это небезопасно. Я не знаю тут даже половину присутствующих.

– Прости, я... – она переминается с пятки на пятку. –

Нечастый гость на таких мероприятиях.

– Почему?

– Это не моё.

– Веселиться в компании?

– Существуют люди, которым не хочется сбегать ночью из дома, не хочется потреблять алкоголь и дурманить сознание при помощи травки, не помнить на утро собственное имя и имя ночного спутника, находиться в незнакомых домах с незнакомыми людьми.

– Таких обычно называют занудами.

Джейн мелодично смеётся и, кажется, совершенно не обижается на замечание. Я бы хотел посмотреть на себя со стороны, потому что для меня, кажется, в это мгновение не существует внешнего мира.

– Нет же, Уилл, это просто не наше. Не моё. Но можешь считать меня занудой, мне ничуть не обидно.

– Ладно, я переформулирую. Ты домашняя.

– Да, наверное, ты прав. Мне нравится быть.

– Что заставило передумать и прийти сегодня?

– Подумала, что иногда необходимо вылезать из привычной среды обитания.

Я тру ладони о джинсы, потому что они так и чешутся коснуться её, сгрести в объятия и утащить ото всех. Туда, где не будет толпы. Туда, где смогу побыть с ней один на один. Совершенно понятно: я хочу её исключительно для себя. Милую и идеальную. Готов поклясться, созданную для меня.

– Я кое-что сохранил для тебя.

Брови Джейн подскакивают от удивления.

Я достаю из кармана коробочку с печеньем, и она улыбается. Улыбка достигает блеска глаз, на щеках ямочки, за которые сверну горы и улечу в космос.

Джейн разламывает печенье и разворачивает листочек.

– Если вы не можете долго уснуть, то кто-то о вас думает, – она застенчиво поднимает глаза. – Теперь я на сто процентов уверена, что предсказания пишешь ты.

Я вскидываю руки в невинном жесте и даю попятную.

– Клянусь, совпадение, но я слышал о таком поверье.

Джейн смотрит на меня из-под густых ресниц, и я моментально сдаюсь.

– Ладно, я могу покаяться? – Безусловно, она кивает, и я изливаю душу или выдаю правду как на духу: – Есть одна пекарня, там можно заказать печенье со своим предсказанием. Считаешь это слишком?

– Считаю это милым.

– Обнадеживающе.

– Эй, а что это за красавица? – Рука Грея повисает на моём плече. Он широко улыбается, изучая Джейн.

Я не хотел делиться её вниманием, но знал, что мы не останемся одни и уж точно не останемся незамеченными. Я лишь мысленно прошу его не ляпнуть лишнего.

– Это Джейн, – я представляю её с улыбкой. Не могу не улыбаться, когда она рядом. После чего поворачиваю голо-

ву и указываю большим пальцем на приятеля: – Джейн, это Грей. Мы вместе учимся.

– А вот это обидно, – он наигранно фыркает в ответ. – Я считал нас друзьями. А вы откуда знаете друг друга?

Вот он: момент истины. Сейчас либо пан, либо пропал. Длинный язык Грея может стать петлёй на моей шее.

– Мы соседствуем, – вежливо отзывается Джейн, и глаза Грея предсказуемо загораются. *Ну надо же, как неожиданно.* – Я живу через забор.

– Ого! – Без труда улавливаю понимание в его тоне, возможно, Джейн тоже замечает перемены. – И какой он из себя *sosед*?

От неловкости она пожимает плечом и, кажется, ищет во мне поддержку. Положив руку на сердце, скажу, что она всегда её получит.

– Внимательный, – её чарующая зелена, смешивается с моими потемневшими карими.

Я солгу, если скажу, что ничего не ощущаю. Сердцебиение замедлилось, а сознание помутилось. Она бьёт прямо в цель так, что готов поплыть. По части Джейн я практически ястреб. У меня было достаточно времени понаблюдать за ней.

– Всегда готов выручить, но не без опасных осечек, – добавляет Джейн, заметно повеселев, хотя в её глазах не наблюдается должного интереса к Грею. Она остаётся верной себе: показывает отменное воспитание.

– Например? – Протягивает Грей, переглядываясь между нами.

– Он дважды напугал меня, и один из них я едва не вывалилась из окна.

Грей должен чувствовать, как колыхнется моя грудь от беззвучного смеха.

– Всё завершилось счастливым концом или чудо-спасением?

– Счастливым концом.

– Я не хотел тебя напугать, правда, – вмешиваюсь я. – Проявил бдительность и извинился.

– Да, помню, – соглашается Джейн и смотрит за наши спины. – Одри, кажется, зовёт меня. Ещё увидимся?

Я энергично киваю.

– Конечно.

Джейн обходит нас, но предварительно наши взгляды встречаются и обмениваются тем, что я пока не могу объяснить. Этот язык ещё не знаком.

– Да уж, ну ты и влип, приятель, – под ухом бормочет Грей, когда мы провожаем её взглядами.

– Все настолько плохо?

– Ты выглядишь как бродячий щенок, который нашёл хозяина. У тебя на лбу написано «Я весь твой», «Брось мне косточку».

Я провожу ладонью по лицу и издаю стон.

– Никогда ещё не чувствовал себя таким ничтожным. Бо-

юсь спугнуть её напором.

– Не спугнёшь, – он похлопывает меня по спине. – Она смотрит на тебя точно так же. Девчонка втрескалась в тебя не меньше, чем ты в неё, так что сгребай свою принцессу и любите друг друга до смерти.

– Никому ни слова об этом.

– Но иногда могу поиздеваться?

– Можешь говорить мне всё, что взбредёт в голову, но не трогай её.

– Она миленькая, хоть и выглядит на пятнадцать.

– Да, – вздохнув, я беру новую банку пива со столешницы и отпиваю сразу половину.

Мы возвращаемся в прежнюю компанию, к которой прибилося ещё несколько человек.

– Ты так быстро исчез, я толком не поняла, что произошло, – говорит всё та же незнакомка. Я не утруждался узнать её имя. Сейчас, к слову, ничего не изменилось. Грей абсолютно прав: я уже верен Джейн.

– Была причина.

Я вновь поднимаю глаза, выискиваю её в толпе, чтобы какой-нибудь кретин не разглядел в ней лёгкую добычу и не прицепился. Она выделяется тем, что не нацепила юбку покороче в стиле можешь-задрать-её-в-своей-комнате и топ сиськи-у-меня-что-надо, наоборот, выглядит так элегантно, словно собралась на знакомство с родителями. Могу сказать одно: мои и это не оценят. Они не постесняются сказать, что

мы должны думать о будущем, а не отвлекаться на ерунду.

На глаза попадается Рэй, покрытый блестящим слоем пота из-за активных танцев в кругу девчонок. Он улыбается так блаженно, можно подумать, принял экстази. Я знаю, что он не балуется наркотой, никто из нас не балуется. Во-первых, постоянные проверки тренера. Рэй не в команде, но уверен, он не станет рисковать. Во-вторых, сомнительное удовольствие. Максвелл был услышан, когда поднял данную тему перед предстоящим переездом. Мы все чисты.

Джейн нахожу в кухне. Она стоит ко мне спиной, увлечённая разговором с Вики и Одри, недалеко от них Коди и Трэв наблюдают за игрой в пивпонг, без которой не обходится ни одна вечеринка. Максвелл был на шаг впереди и заранее огородил Вики от любопытных зевак тем, что пообещал надрать любую задницу, если кто-то ляпнет что-то касательно сериала. Сегодня она такая же студентка, как все остальные. Словно почувствовав мой взгляд на себе, Джейн поворачивает голову.

Я улыбаюсь краешком губ и подмигиваю, получив взаимную полуулыбку. До безумия хочется вклиниться в женскую компанию, но понимаю, что обязан предоставить свободу. Очевидно, что Джейн испытывает волнение, когда нахожусь вблизи, именно поэтому хочу, чтобы она привыкла ко мне на небольшом расстоянии. Я умею идти к цели неторопливыми шагами. Знаю, что для плотной и ровной основы нужно дождаться, когда осядет фундамент. Его-то я и залил.

Третья банка пива летит в урну, за ней четвёртая. Я втянут в беззаботный трёп и несколько раз снимаю ладонь, которая невзначай ложится на плечо или на поясницу.

Девчонка обольстительно улыбается, хихикает, благо не каждую секунду, а к месту. Её глаза блестят то ли из-за выпитого алкоголя, то ли из-за смешливости. Я ощущаю лёгкое головокружение, вовсе не из-за приятной компании или симпатии. У меня реально кружится голова, а перед глазами плывёт комната. И спустя мгновение случается то, из-за чего фундамент трещит по швам.

Прежде чем чужие губы накрывают мои, а руки обвивают шею, я смотрю на Джейн. К сожалению, она не вовремя поворачивается и видит не самую выдающуюся картину.

Она видит меня и какую-то девчонку.

Целующихся нас.

Инстинкт не дремлет. Я поддаюсь, и только спустя несколько секунд на голову опускается озарение.

ДЕРЬМО. ДЕРЬМО. ДЕРЬМО.

Отпрянув назад, понимаю, что уже слишком поздно.

Там, где была Джейн – пусто. Не совсем, конечно, пусто. Одри испепеляет меня таким ядовитым взглядом, что в горле пересыхает. С ней лучше не шутить, она преподносит месть вместо десерта. А сейчас она ещё и одета под ситуацию: в костюме медсестры.

И она, чёрт возьми, прокладывает путь в мою сторону. Ещё есть возможность сбежать, но не вижу смысла.

Что ж, меня хотя бы быстро приведут в чувство. Рядом медперсонал.

– Надо поговорить, – с наигранной улыбкой, говорит она, потащив меня на задний двор за ворот футболки.

– Трэв нам шеи свернёт, если увидит наедине.

– С каких пор ты начал его бояться?

Собственно, ни с каких. У меня не дрожат колени от страха.

Одри хлопает дверью так, что в ушах звенит, а следом образуется вакуум. Она наставляет на меня указательный палец и из её голоса льётся медь, а из глаз – обжигающий лёд.

– Знаешь, я всегда думала, что ты самый адекватный. Не совершишь глупость, если кто-то действительно понравится тебе. Никогда не будешь искусственно вызывать ревность. Она нравилась тебе... видимо, не настолько, чтобы удержать дружка в штанах.

– Ты забегаешь вперёд... – я вклиниваюсь в её триаду, но Одри выставляет ладонь, затыкая меня жестом.

– Неинтересно. Ты просто охренеть, как разочаровал меня. Трэв так не смог, как ты.

– Дай мне сказать! – Рывкаю в ответ, не сумев сдержать молниеносно подступавший гнев.

– Оставь при себе, Каллоувей!

Она хочет зайти в дом, но я успеваю преградить путь, выставив руку.

Одри испепеляет меня живьём и буквально по буквам

проговаривает:

– Отойди.

– Нихрена. Ты выслушаешь мою версию!

– Скажешь, что это *она* сунула язык в *твой* рот?

– Да, чёрт побери! *Она* сунула язык в *мой* рот! Дьявол, я и не думал, что будет так просто!

Одри поднимает выразительные янтарные глаза к небу.

– Это был сарказм.

– Я не солгал, – предпринимаю новую попытку достучаться до неё, но не понимаю для чего. Я не обязан оправдываться ни перед ней, ни перед другими. И даже перед Джейн.

– Это не моего ума дело. Можешь валить к той девке, сейчас уже ничего не мешает подняться наверх.

– Ты, мать твою, прикалываешься? – Я рычу от злости и скидываю руки в воздух. – А знаешь, я так и сделаю. Поднимусь наверх!

Захожу в дом и направляюсь к лестнице. Есть только одна поправка: я иду один. Мобильник вибрирует в кармане, хоть и знаю, что звонящий не Джейн, едва ли не мечтаю об этом.

– Тебя ещё не хватало, – ворчу под нос, заметив имя.

Без угрызений совести сбрасываю вызов и бросаю мобильник в кучку вещей на кресле. Сегодня он явно не понадобится.

Я подхожу к окну и смотрю в соседнее, наблюдая темноту. Должно быть, она легла спать. Я мог бы написать что-то на бумаге и приклеить к стеклу, но идея такая же паршивая,

как и разговор по душам со звонящим Роландом. Никогда не понимал, чем руководствуются люди, которые облажались в реальности, а извинения приносят электронные. Выход только один: тащить свою убогую задницу с личным визитом. Но никто не будет гостеприимен около полуночи.

Я замертво падаю на кровать и слушаю вибрацию, не до конца понимая, звонит мобильник или из-за музыки на первом этаже. У меня только одно понимание: сегодняшнюю ночь проведу без сна, а завтра вымотаюсь до смерти на пробежке.

Глава 10. Уилл

Я отряхиваюсь от снега и забегая в дом, стуча зубами от пронизывающего холода.

Мне всегда нравились штаты, в которых можно застать все времена года, а не круглое лето, например. Но каждый раз, когда наступает зима, приходится надевать несколько слоев одежды и видеть минус на термометре, я спрашиваю: «Опять?!». Да, ОПЯТЬ, несмотря на то, что люблю зиму. Есть в ней свои плюсы.

В дверях сбрасываю куртку, шапку и спортивную сумку, желая поскорей зажать между ладонями кружку с крутым кипятком и согреться, но застываю в проходе между кухней и парадной, обнаружив Джейн.

На кухонном острове разложены купленные ранее продукты, фоновым шумом проигрывается какая-то кулинарная передача на мобильнике, а на её лице расцветает смятение.

– Привет, – быстро выпаливает она.

Должно быть, я выгляжу как болван, потому что совер-

шенно не ожидал наткнуться на неё... в три часа дня.

Ладно, стоит признать, Джейн могла прийти. Должна была прийти, мы просто не обговаривали время.

– Привет, – я откашливаюсь, заставляя себя ожить. – Не думал, что застану тебя тут в одиночестве.

– Ты не отвечал на сообщения... я не знала, когда придти.

Я виновато чешу затылок и вытаскиваю мобильник из кармана джинс, экран которого так и остаётся потухшим.

– Кажется, разрядился.

– Ничего, Рэй меня впустил, – Джейн начинает перебирать баночки со специями, внимательно изучая состав каждой.

Разговор у нас не клеится, из-за чего мрачней. Вина как грозовые тучи: собираются и гремят над головой. Причина того, что мы испытываем неловкость и стали чувствовать себя неуютно в компании друг друга, кроется во мне.

– Кхм... – включаю чайник, чтобы не стоять на месте. Мне не мешает разморозить мозги. – Тебе нужна помощь?

– Нет, спасибо.

Джейн продолжает перебирать баночки, оставляя в стороне то, что, вероятно, планирует использовать, и возвращает в коробку те, что не потребуются. И она стоит ко мне спиной.

Я скольжу взглядом по её профилю. Наблюдаю, как закусывает нижнюю губу, когда читает состав, после чего прищуривается, посмотрев на продукты, берёт несколько секунд на

размышления и убирает баночку в коробку. Волосы собраны в высокий хвост, струятся по плечам и открывают потрясающий вид на изящную шею. Джинсы идеально подчёркивают длину ног, свободного края футболка болтается на хрупких плечах, а её рваный край прикрывает бёдра. В воздухе витает знакомый аромат. Я никогда не был поклонником сладостей, но Джейн делает из меня заядлого сладкоежку. Она пахнет рождественскими леденцами, которые обычно продают на ярмарках. Мне хочется втянуть его, зарывшись носом в изгиб шеи. Но между нами искрит напряжение. По крайней мере, я скован, Джейн выглядит безмятежной.

– Я могу порезать овощи, – я не сдаюсь, пытаюсь проковырять отверстие в её броне.

– Хорошо, спасибо.

Не думал, что получится со второго раза.

Джейн отдаёт мне поручение помыть и порезать на дольки картофель, а сама приступает за приготовление десерта, судя по грушам, муке, яйцам и ещё куче всего необходимого. И мы снова погружаемся в молчание.

Тишина между нами немного нервирует.

Ложь.

Совсем не немного.

Я на взводе, черт побери!

Не то, чтобы раньше мы болтали без умолку, нам было вполне комфортно в тишине. Я никогда не искал тему для разговора, всего-навсего хотел узнать её лучше. Но сегодня

тишина словно зуд под кожей: хочется зачесаться до смерти. В конце концов, я откладываю нож и поворачиваю голову к Джейн, замешивающей тесто в параллельной стороне кухни.

– Злишься на меня?

– На что? – Она бросает в мою сторону непонимающий взгляд и подсыпает муки.

– Я вчера... ты и сама видела. Оглянуться не успел, как от тебя уже след простыл.

На губах Джейн появляется намёк на улыбку.

Поверить не могу, что её веселят мои страдания. Я ведь тут готов о землю разбиться, чтобы исправить ситуацию, в которую сам себя загнал.

– Ты думаешь, что я ушла из-за тебя и той девушки?

Я киваю.

– Ты же помнишь, что я ещё школьница и вчера был вторник?

– Помню.

– Тогда ты понимаешь, что перевалило за полночь и я ушла спать из-за раннего подъёма.

– Джейн, ты обижена? – Не выдерживаю, хотя она казалась вполне искренней, отвечая на вопрос.

Её глаза находят мои.

– Было неприятно, но без фанатизма, – она слабо пожимает плечом и переключается на груши, размещая их в раскалённой сковородке. – На самом деле, я планировала уйти на десять минут раньше, так что можно считать простым сов-

падением.

Я удивлён откровенностью, хотя не должен. Джейн остаётся честной и открытой для разговора, вот чем цепляет. Я не могу разглядеть и унцию фальши.

– Чувствую себя тем ещё мудаком, потому что не знаю или не помню её имя, не говоря о том, как выглядела.

– Ты же не ждёшь, что пожалею и поглажу по макушке? Это и правда ужасно, Уилл. По-моему, это унижительно как для неё, так и для тебя.

– Знаю. Всего лишь хочу, чтобы это никак не повлияло на нас.

– Это не может повлиять на нас. Мы всё ещё друзья, а я как твой друг, не буду фальшиво восторгаться некоторыми поступками. Но, если всё взаимно, то детали уже не так важны.

– Я просто потерял голову. В прямом смысле. Не знаю, что было в пиве, но комната закружилась, а через секунду на мне чьи-то губы. Хотел провести вечер с тобой, а в итоге... вышло так тупо.

Я испытываю вину за гадское отношение или отсутствие внимания к человеку, которого сам пригласил. Черт возьми, да я буквально сунул язык в рот... проклятье, я и правда не помню ничего от той девчонки. Как её звали? Не помню, чтобы она представилась. Я был слишком занят поиском другой.

– Почему ты поссорился с Одри? – Одновременно с ней, я выпаливаю:

– Почему тебе было неприятно?

Мы обмениваемся скупыми улыбками.

– Давай я, – делаю отмашку и вздыхаю. – Мы поссорились и... не то, чтобы поссорились, мы же не парочка. Скажем так, не нашли понимание в одной ситуации. Она думает, что я обидел тебя, поэтому ты ушла. Кстати, откуда ты знаешь, что мы поругались?

– Слышала, как она кричит на тебя.

– Тогда ты должна была слышать по какой причине.

– Играла музыка, и я не хотела подслушивать. Закрыла окно и легла спать.

– Я тебя недостоин, потому что, когда ссорятся Трэв и Одри, беру попкорн и занимаю местечко в первом ряду. Ответишь на мой?

– Это было бы справедливо, – соглашается Джейн, убавив газ и посмотрев в мои глаза. – Думаю, потому что ты нравишься мне, поэтому было немного неприятно видеть тебя с кем-то. Сам понимаешь... ты весёлый, симпатичный, спортсмен, умеешь поддержать разговор и люди к тебе тянутся магнитом, как тут устоишь. Я тоже попала под чары. Но можешь не переживать, это не зайдёт далеко. Я не стану преследовать и говорить гадости за спиной из-за ненормальной ревности. А той ночью... Меня честно мучила бессонница, не думала, что застану тебя за окном. Что касается того вечера, то идея просмотра фильма у вас принадлежала девочкам. Знаю, звучит неправдоподобно и подозрительно,

всё навалилось сразу после нашего знакомства. Только ты ни в коем случае не должен чувствовать себя обязанным. Было бы глупо обижаться из-за...

– Подожди, – прерываю я, ощущая прилив странной энергии так, что начинаю стучать пяткой. – Вернись в начало и повтори.

– Хм... – на её щеках вспыхивает едва заметный румянец, у меня же болят скулы из-за широкой улыбки. – Что ты нравишься мне или ещё раньше? Или немного позже?

– Именно это.

– Почему ты так улыбаешься? – Джейн сводит брови, и на переносице образуется ямочка.

– Потому что я нравлюсь тебе.

– Думала, ты давно понял, поэтому всегда тактично обходишься со мной как с младшей сестрой, но Одри, оказывается, была права.

– В чём?

– Ты балбес, – удивительно, как это звучит с её подачи. Не оскорбляет, а вызывает улыбку.

– Тебе нравится балбес, – весело резюмирую я, склонив голову на бок и взглянув на всё совершенно иначе. Она смущалась, потому что нравлюсь, а не потому, что это одна из составляющих характера.

– Сердцу не прикажешь.

Я вновь беру нож и начинаю кромсать картошку, не в силах избавиться от улыбки. Она не желает сходить с лица, и я,

весьма вероятно, выгляжу как полоумный debil. Чертовски счастливый полоумный debil.

– Джейн? – Не глядя, зову я.

– Что?

– Больше никогда не говори, что это ничего не значит. Не обесценивай свои чувства.

– Ты не мог бы...

– Сходишь со мной куда-нибудь? – Очередной раз перебиваю её.

Опешив, Джейн застывает и, кажется, думает, что не слышала или же ослышалась.

– Сходишь со мной куда-нибудь? – Ещё раз спрашиваю, на этот раз медленно и не только для неё, но и для себя. Приятен сам момент приглашения, даже если она откажется.

Я решаю внести ясность.

Бросаю нож и поворачиваюсь к ней.

– На свидание, Джейн. Это свидание.

– Я могу подумать? – Она хватается за скалку, прижав к груди и выглядит потрясённой.

– Можешь, но только знай, что буду приглашать до тех пор, пока не получу согласие. Не отбирай шанс, я признаю, что наломал дров. Не хотел, чтобы так вышло, но ничего не могу изменить. Это была ошибка. И я должен предупредить...

– О чём?

Я бросаю взгляд на тонкие пальцы, побелевшие в костяш-

ках, потому что Джейн сильно сжимает скалку, и не понимаю, что происходит в её голове.

– Сейчас начинается самый сумасшедший период. Межсезонье подходит к концу, тренер начнёт активную подготовку к играм со следующего месяца, я стал ассистентом профессора и должен выполнять часть его работы, сверху есть свои задания, их никто не отменял. Всё это в совокупности будет отнимать много времени, но обещаю, что каждую свободную секунду проведу с тобой. Просто хочу, чтобы ты знала это, когда будешь принимать решение.

Джейн удивлённо вскидывает брови.

– Ты стал ассистентом профессора?

– Тебя это смущает?

– О Боже, конечно же нет, Уилл. Это замечательно! Если честно, даже в какой-то степени горжусь тобой. И это не совсем то, что меня беспокоит.

Она начинает раскатывать тесто сумбурными движениями и выглядит скованной.

– Я знаю, свидание ни к чему не обязывает, но ты разобьёшь мне сердце.

Мне хочется сказать, что её сердце – это единственный в мире предмет, которым буду дорожить и охранять намного лучше титановой бронебойной двери любого банковского хранилища. Но сохранит ли она моё?

– Чтобы ты не сомневалась, я отдам своё. Это будет честно.

Я замечаю улыбку, пробегающую по её губам.

Стоит ли отметить, что получил тумачков от Одри и не сержусь. Заслужил. Да, я тот ещё мудака в квадрате, если после поцелуя с одной, выискивал другую. Но от этой *другой*, не хочется сбегать. Я всегда хочу, чтобы она осталась, всегда хочу, чтобы задержалась дольше положенного. И даже когда она будет в полусонном состоянии еле волочить языком, я проявлю черты заклятого эгоиста, не пожелав прощаться.

Мы закрываем неприятную тему, но вопрос со свиданием остаётся открытым. Я чуть ли не каждую секунду жду заветное «да». На помощи в готовке сосредотачиваюсь лишь тогда, когда Джейн доверяет мне готовый пирог, а сама занимается панировкой куриных ножек и выставляет температуру духовки.

– Подожди, Уилл, стой, – она кладёт ладонь на моё предплечье и останавливает, вероятно, от ошибки. Я смотрю на её маленькую ладошку, согревающую изнутри, а Джейн объясняет: – Его нужно переворачивать.

Скользнув взглядом по руке, нахожу её глаза.

– Морковка, я чертовски сильно стрессую и боюсь испортить твой шедевр, и что значит *переворачивать*?

– Накрой сковороду тарелкой и переворачивай так, чтобы сковорода оказалась сверху. Это нужно сделать очень быстро.

Я делаю глубокой вдох и сжимаю задницу, потому что действительно боюсь загубить её труды. В конце концов, со-

бираюсь духом и делаю так, как объясняет Джейн: резко меняю сковороду и тарелку местами.

Аллилуйя.

Чудом удаётся ничего не уронить, и я мысленно читаю псалмы.

– Теперь осторожно снимай сковороду, пирог не должен прилипнуть, – мягко командует Джейн.

Я киваю и поднимаю сковороду, обнаружив на тарелке невероятно красивый десерт. Черт подери, однажды начну петь серенады под её окном. Она – мой клад.

Груши с золотистой корочкой под слоем карамели выглядят блестяще и пахнут так восхитительно, что необходимо ведро для моих слюней, и всё это создано руками Джейн. Я сорвал грёбанный джекпот и мысленно представил будущее, которое может быть с ней. Девушку, которая встречает тёплой улыбкой и делает счастливым изо дня в день. Дом, который пропитан её сладким ароматом и доброй энергией. Лучшее будущее, которое могу вообразить. Я впервые хочу заглянуть далеко вперёд и увидеть там её.

– Ты молодец, – гордо улыбается Джейн.

– Да, если не подхожу к кухне близко, – подразниваю в ответ.

– Не будь таким категоричным, всё приходит с опытом. Я первый раз сожгла любимую сковороду, а грушами можно было кормить младенцев.

Что я говорил?

Именно это мне необходимо: поддержка и понимание абсолютно во всём.

– Даже если ты выжжешь кухню вместе с домом, уверяю, я погрызу угольки и скажу, что было вкусно.

Джейн смеётся и качает головой.

– Слово скаута, – я поднимаю правую руку и зажимаю мизинец и большой пальцы. – Всё твоя заслуга.

– Ты был скаутом?

– Нет, но это не мешает мне пользоваться их примочками, чтобы втереться в твоё доверие.

На её щеках вспыхивает румянец, а зелёные глаза сияют, подобно изумрудам.

– Ладно, осталось горячее, – Джейн заметно смущена и растерялась, поэтому хочет перевести тему. Я не буду настаивать.

– Тут я бессилен... – не могу подавить желание подразнить и добавляю: – Подруга.

– Ты можешь найти большое блюдо, друг, – не отстаёт Джейн, приоткрыв дверцу духового шкафа.

– Есть, мисс, – отзываюсь в ответ, отдав воинскую честь. Она улыбается, а это всё, чего желаю.

Джейн ставит противень с ножками и картофелем в духовку, а я нахожу блюдо под раковиной. Споласкиваю тарелку от пыли и ставлю на столешницу.

– Вы все уезжаете на Рождество? – Спрашивает Джейн.

– Нет.

– Кто-то остаётся?

Я беру минуту на обдумывание.

Людей, знающих о моих сложных взаимоотношениях с родителями, можно сосчитать на пальцах одной руки. И да, пальцы не понадобятся. Это не та тема, подлежащая свободному обсуждению. Я стараюсь исключить все разговоры.

– У меня другие планы, – я всегда ловко обходил прямые вопросы.

Джейн хмурится.

– Не весь ярлыки, – говорю я, вытирая мокрые руки позорительно долго. – Это вовсе не семейный праздник. Либо не для всех *семейный*.

– Какие у тебя планы?

Я коротко улыбаюсь, потому что Джейн не прёт напролом и не загорается идеей во что бы то ни стало выяснить причину. Свобода и непринуждённость, которую ощущаю в её компании, очень соблазнительны. Я ценю независимость и не терплю давление.

– Ближайший горнолыжный курорт, – пожав плечами, я озвучиваю первую возникшую мысль. – А потом, может быть, фильмы, сериалы и куча вредностей перед тренировками.

– Звучит не так уж и плохо. Уже составил список?

– Есть желание составить компанию?

– Хочешь отпраздновать с нами? – Джейн выглядит так, будто не ожидала подобный вопрос от себя. Безусловно, мо-

жет догадываться, что в моей семье всё не так гладко, поэтому не стремлюсь навестить, но гадать можно сколько угодно. К тому же, у неё тоже есть тайны, например, не видел маму.

Я убеждаю себя, что Земля не сойдёт с орбиты, если задам вопрос.

– С тобой и твоими родителями?

– Только я и папа, – Джейн поднимает голову и смотрит куда-то сквозь стены, тихо продолжив: – Мама пропала несколько лет назад.

Мне становится не по себе, даже жутко. Холодок пробегает вдоль позвоночника.

Если пропала, значит, сейчас местонахождение неизвестно. Да, я не близок со своими родителями, скорей, совсем наоборот, между нами пропасть. Но Джейн выглядит расстроенной. Печаль застилает черты её лица.

– Я верю, что её найдут.

Я накрываю её крохотную ладонь и выдавливаю улыбку.

Мне, наверное, будет сложно понять её чувства, потому что я с удовольствием потеряю связь с родителями.

– Так и будет, – прочистив горло, подтверждаю я и поглаживаю внутреннюю сторону ладошки пальцами.

– Папа тогда много пил, видимо, чтобы заглушить мысли, – голос Джейн звучит слишком тихо, мне приходится наклониться, чтобы расслышать.

Я медленно сглатываю, не в силах спросить, как она себя чувствовала.

Джейн поднимает взгляд. Глаза у неё на мокром месте, из-за чего в горло словно засыпали острые камни. Я не знаю, что говорить в таком случае, кроме как отшутиться, что лучше бы на месте её мамы были мои, но, вероятнее всего, это будет худшее, что произнесу. Даже у юмора есть красная линия, за которую заходить не стоит. На языке крутится тревожный вопрос, Джейн читает его бегущей строкой на лбу.

– Мне было восемь, я уже могла о себе позаботиться.

– Винишь его за это? – Сипло спрашиваю я. Непринуждённый разговор стал мрачным. От этого тяжело на душе, но одновременно приятно, потому что Джейн постепенно открывается и доверяет личное.

– Нет. Каждый справляется по-разному. Не могу смело говорить, что на его месте смогла бы взять себя в руки, а не сломаться. Папа сломался, но он смог выкарабкаться ради меня. Если бы не я...

– Знаешь, что я скажу?

Джейн отрицательно качает головой, дыша с перебоями.

– Если ты настроена видеть плохое во всём, то никогда не увидишь хорошее.

– Я вижу плохое?

– Ты видишь хорошее и веришь в лучшее. Это самое главное. Нельзя терять веру.

– У нас были кое-какие сбережения, – тем же тихим голосом, отзывается Джейн. – Я позаботилась о нас. Знала, что рано или поздно всё наладится, значит, не потеряла веру.

– Да, но ты не должна была заботиться о взрослом человеке, Джейн. Всё должно быть наоборот. Ты была ребёнком. Она поднимает уголки губ.

– Любой человек может сломаться, Уилл. Не будь так строг.

– Прости, что переживаю за тебя.

– За прошлое? – Она безрадостно улыбается. – Ты же понимаешь, насколько это глупо сейчас? Я в полном порядке.

– Я всё равно переживаю за тебя. Есть только одно исключение, когда совершенно спокоен.

– Когда?

– Когда ты со мной.

Джейн вытаскивает ладонь и сгребаёт тяжёлые тарелки.

– Прости, если напугал, – я выдыхаю и наблюдаю за тем, как она расставляет их на обеденном столе. – Может быть, я неправильно выразился. По-моему, мне нужен кто-то, кто сможет вытащить правильные слова из моей головы, потому что остальные приводят тебя в ужас.

– Всё в порядке, Уилл, это мило, – по-доброму смеётся Джейн. – Ты не похож на того, кто будет переживать за девушку, которую знает несколько дней.

– Иногда кажется, что я знаю тебя несколько десятков лет, – я открываю дверцу шкафчика и достаю печенье с предсказанием, которое оставляю рядом с её разделочной доской. – Может, тебе повезёт больше, чем мне, потому что в моём было что-то про вселенную и как открыть в себе новые

границ. На этот раз точно случайное, клянусь. Не стал играть с судьбой.

Она оставляет стопку нерасставленных тарелок на столе и сокращает между нами расстояние. В итоге нас разделяет кухонный остров.

– Новые границы? – Хихикает Джейн, сломав печенье пополам и развернув листочек. – Мне досталось «Пусть тебя не страшит неумение. Делая с желанием – научишься».

Она переводит взгляд на меня.

– Думаю, это предсказание сегодня должно было достаться тебе, учитывая первые шаги в мир кулинарии.

– Но я наткнулся на новые границы, – невозмутимо отвечаю я. – Частично они правы.

– Почему?

– Я нечасто встречаю похожих на тебя.

– И какая я? – Она прищуривается, убрав листочек в карман. Вероятно, Джейн решила собирать предсказания, а не выбрасывать.

– Я уже говорил.

– Да, домашняя зануда.

– Нет. Особенная.

– Кто особенная? – Спрашивает Рэй, появляясь на кухне с влажными после душа волосами.

– Твоя задница, – иронизирую в ответ.

– Согласен, – он шевелит бровями и изучает своё размытое отражение на дверце холодильника. – Исключительная

ягодка.

Джейн смеётся, а Рэй косится в мою сторону. Кривая ухмылка на его губах о многом говорит. Он собирается подложить мне свинью.

Я пользуюсь драгоценными секундами, пока Джейн собирает грязную посуду и складывает её в посудомоечную машину. Навожу на него нож и показываю, что полосну горло, стоит только помешать мне.

Он беззвучно смеётся и пятится назад, продолжая по-идиотски улыбаться.

– Что это было? – Интересуется Джейн, когда на втором этаже хлопает дверь.

– Не обращай внимания, иногда Рэй бывает слишком импульсивным.

– А, по-моему, ты угрожал ему расправой.

– Мы постоянно это делаем.

– Ого, как вкусно пахнет! – Раздаётся звонкий голос Одри, спустя мгновение, она появляется в пороге кухни и с любопытством переглядывается между нами. – Я думала, нас ждёт ужин.

– Похоже, будет ранний ужин, – взглянув на часы, отвечает Джейн.

– Где Трэв?

– Достаёт покупки для Хати.

– Хати?! – Джейн с недоумением таращится на Одри, застыв с кучей посуды в руках.

Я забираю собранное ею и даю пояснение:

– Заключённый в комнате Трэва. Одри нашла котёнка, и он живёт у нас.

– Показать? – Предлагает Одри, кивнув на лестницу и тут же получает согласие.

Они устремляются наверх, а на их месте появляется Трэв, лицо которого не сияет детским восторгом после прогулок по магазинам.

Он бросает взгляд на обеденный стол и поднимает бровь.

– Ты готовишь?

– Ты едешь на шопинг в зоомагазины?

– Один-один, – ухмыляется он, поставив на пол коробку и огромный пакет.

Глава 11. Джейн

– И всё же, как прошла вечеринка?

Я поджимаю губы, потому что не знаю, с чего начать.

Киллиан листает учебник. Он не поднимает голову, продолжает искать необходимую информацию в тексте. В библиотеке слишком тихо, настолько тихо, что отчётливо слышится шелест бумаги. Тёплые солнечные лучи проникают через большие окна, рассеянный свет падает на паркет и добавляет месту некого уюта, хотя я всегда чувствовала себя комфортно среди массивных книжных стеллажей и ветхого аромата, которым пропитались старые книги. Знаю, некоторую информацию проще достать, сделав запрос в поисковой строке, но мне по душе старомодный способ. Пока выискиваешь одно, можно узнать ещё много полезного.

Я оглядываюсь, изучив присутствующих. Все заняты и не обращают на нас внимания. На самом деле, мне бы хотелось избежать этот разговор по ряду причин как приятных, так и

не очень. И всё же даю ответ, хоть и максимально короткий.

– Было неплохо.

Киллиан вскидывает голову и дёргает бровью.

– То есть, студенческие тусовки не настолько хороши, как о них трещат на каждом шагу? – Его голубые глаза выражают дотошное любопытство.

– Я рано ушла, – пожимаю плечом, намереваясь утаить кое-какие детали.

– Насколько рано?

– После полуночи.

– Ты как Золушка, Джей-Джей.

Я улыбаюсь, потому что примерно так выглядел побег.

– Я не вытяну никаких подробностей?

– Да, – хохотнув, соглашаюсь с ним. – Может быть, что-то произошло, но после моего ухода. Уилл ничего не рассказывал, значит, всё обошлось без происшествий.

В глазах Киллиана загорается новый огонёк.

– Уилл ничего не рассказывал, – пискляво передразнивает он. – А другой кто-то присутствовал или вечеринка для двоих?

Я хватаю бумагу для заметок и бросаю в друга.

– Мы готовили вместе, поэтому я упоминаю его.

– Или по другой причине. Хватит делать вид, что он не нравится тебе.

Безусловно, мои щёки вспыхивают, потому что Киллиан бьёт прямо в яблочко.

– Да, – признание легко слетает с губ. – Но я говорю правду: мы готовили вместе, и он не упоминал ничего существенного.

– Я рад, что тебе удалось развеяться, Джейн. На сегодня какие планы?

– Миссис Кинг попросила присмотреть за малышами. До вечера буду развлекать парочку трёхгодовалых проныр.

– Хочешь сказать, что он настолько слеп, что не пригласил тебя на свидание? – Киллиан падает на спинку стула и, раздражённо фыркнув, бросает на стол карандаш. – Вот же придурок!

– Мы всё ещё говорим про Уилла или про планы на день?

– Ну, твои планы уже известны. Может быть, пойти на весенний бал с Ноа не такой уж и плохой вариант.

Я, разинув рот, таращусь на Киллиана и не верю собственным ушам.

– Ты же терпеть его не можешь?!

– Да, но это неплохой способ раскрыть глаза твоему соседу.

– Боже, Килл, я не буду так поступать. Ни сейчас. Ни когда-либо ещё. Это глупо!

Он поддаётся вперёд так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

– Слушай, Джейн, ты красивая, добрая, понимающая, хороший друг, не глупая, а он просто слепой идиот, если не замечает этого. Если бы всё было иначе, если бы я видел в те-

бе кого-то больше, чем друга, я мог давно ошиваться около твоего дома, заваливать сообщениями и звать на свидания.

– Он позвал меня на свидание! – Шепчу я, густо краснея.

Секунду Киллиан глазеет на меня, а следом заливается хохотом.

– Неужели! – Он вскидывает руки в воздух и с грохотом роняет на стол. – Я даже немного разозлился.

– Я сказала, что подумаю.

Киллиан тут же указывает на дверь.

– Уйди с моих глаз.

Я хихикаю и качаю головой.

– Сейчас же пиши ему, что согласна.

– С каких пор ты стал сватать меня с кем-то?

– Хочу, чтобы ты ходила на свидания и наслаждалась жизнью, а не ковырялась в саду и присматривала за чужими детьми, пока веселятся их предки. Выйди из тени, Джейн. Ты достойна внимания, возможно, даже больше, чем кто-то другой.

– Я напишу ему вечером.

– Нет, напиши сейчас, – настаивает он, потянувшись к моему мобильнику. – Иначе я сделаю это за тебя.

Я перехватываю телефон до того, как Киллиан сделает это и откроет переписку.

– Хорошо! – Быстро выпаливаю я. – Просто не понимаю, что это изменит.

– А вдруг он мучается днями и ночами? Снимает скальп?

– Мужская солидарность? – Недоверчиво спрашиваю я.

– Немного, или я не до конца верю в твою решительность.

Напиши ему, Джейн. Если ничего не выйдет, хотя бы проведёшь классный вечер.

Я тяжело вздыхаю и открываю диалог с Уиллом. Несколько секунд смотрю на прошлые сообщения и тщательно обдумываю, с чего начать. Возможно, Киллиан прав, я должна сделать это сейчас, потому что он – как парень – подскажет.

Палец нависает над экраном и кроме глупого «привет» – на ум ничего не приходит. Я начинаю волноваться и вытираю вспотевшие ладони о джинсы.

– Ну вот, а я о чём, – подтрунивает Киллиан. – Не выдумывай, Джейн, поздоровайся и скажи, что согласна. Простота – залог успеха.

Я медленно набираю сообщение едва ли не под диктовку друга и сразу же блокирую экран. Кожа покрывается мурашками, в библиотеке становится душно, из-за чего начинаю обмахиваться руками.

– Выглядишь так, будто сейчас окочуришься, – парирует Киллиан, вернув внимание к учебнику.

Так и есть.

Я не могу думать ни о чём другом вплоть до вечера. К счастью, малыши отвлекают. Я сосредотачиваюсь на настольных играх, не проверяя телефон подобно параноику. К слову о сотовом: его забыла дома из-за спешки и это ещё одна причина рвать волосы на голове. Я вообще сама не своя с того

самого момента, как отправила несчастное сообщение и уже несколько раз успела пожалеть, что не дала согласие в среду, столько же раз вынесла себе обвинительный приговор, что заставила ждать ответ.

Оливер и Оливия закрывают ладошками позиции, не позволяя друг другу передвинуть фишку на несколько шагов вперёд, когда бросают кубики на красочную картонную поверхность, а я помогаю им считать. И в конечном счёте, когда всё доходит чуть ли не до драки, мы сворачиваемся и переключаемся на другую игру. Она тоже увлекает ненадолго. Спустя десять минут мы достаём пазлы и собираем животных.

Я поглаживаю белокурую кудрявую головку Оливии и помогаю подобрать верную сторону, чтобы пазл сложился в цельную картинку. Она обращает ко мне голубые глаза, точь-в-точь те же, что носит брат-близнец и лучезарно улыбается.

– Расскажешь сказку? – Тонюсенький голосок, который она использует, намекает на то, что это утверждение, а не вопрос.

– Посмотрим мультики? – Я делаю встречное предложение, потому что все сказки в голове завершаются тем, что принцесса впадает в глубокую депрессию из-за принца. Никогда прежде так сильно не переживала и не нервничала. Все мысли крутятся вокруг забытого мобильного. Ответил ли Уилл. Может быть, он позвонил. Возможно, оставил записку на окне. А может и вовсе забыл, чего не скажешь обо

мне. Я остаюсь в неведении, из-за чего не могут думать ни о чём другом. Это невыносимо.

– Да, мультики! – Оливер подскакивает с ковра и прыгает по просторной гостиной. – Щенячий патруль!

– Принцессы! – Тут же возражает Оливия.

– Мадагаскар, – предлагаю я, чтобы разрешить назревающий конфликт интересов.

Мы приходим к мирному соглашению.

За несколько раз, что довелось провести с ними, я выучила всё, что любит и не любит каждый, дабы избежать споры и стоит одному высказать недовольство, как я переключаю их внимание на новое занятие. Иногда это утомительно и приходя домой, я без сил падаю на кровать, но по большей части весело и скучать не приходится.

Когда время добирается до десяти вечера, я набираю ванную с пеной и ещё недолго даю парочке поплескаться, после чего помогаю надеть пижамы и устроиться в постелях.

– Расскажи сказку, – твёрдый тон Оливии говорит о том, что на этот раз отвертеться не получится.

Я пристраиваюсь к прикроватной тумбочке спиной, вытягиваю ноги и включаю ночник.

– Какую сказку вы хотите услышать? – Я обращаюсь сразу к двум малышам, потому что стоит выделить одного, как другой начинает строить козни, именно по этой причине сижу на полу между двумя детскими кроватями.

– Про машины, – Оливер всегда первый озвучивает мыс-

ли, а вот Оливии всегда требуется минута на размышления.

– Про принцессу.

Ничего удивительного, верно?

– Жили были принц и принцесса, был у них целый парк автомобилей разных моделей, – начинаю я, но Оливия тут же перебивает:

– Они уже поженились?

– Ладно, начнём с самого-самого начала. Жила была девушка и...

Я переглядываюсь между ребятнёй, потому что в голову как ни трудись, не лезет ни одна красивая история. В конце концов, я бросаю гиблое дело и погружаюсь в суровую реальность.

– Жила была девушка, которая любила заниматься садоводством. Каждое лето она выходила во двор ранним утром и придумывала, как обустроит сад, какие посадит цветы, как будут выглядеть дорожки и клумбы, где через несколько лет вырастет дерево, но всё это пока только в мечтах.

– Почему? – Личико Оливии застилает печаль.

Я мягко щёлкаю кончик её носа и улыбаюсь.

– Потому что для осуществления её мечты нужно много времени и сил, а ещё девушка должна работать, чтобы купить различные приспособления, поэтому она потихоньку идёт к мечте. Зимой копит деньги, чтобы к лету у неё была возможность всё купить.

– А где у неё машина? – Вмешивается Оливер.

– Пока у неё нет машины, но обязательно появится.

– Почему у неё нет феи-крёстной?

Я тихо смеюсь, потому что сказка превращается в допрос.

– Потому что ей нужно расколдовать фею-крёстную, – объясняю я. – Помнишь, мы смотрели заколдованную Эллу?

Оливия бодро кивает.

– Нужно её дождаться или пойти в сказочную страну и отыскать, но она ни за что на свете не справится без принца.

– А где сейчас принц?

Я, честно говоря, уже весь день размышляю о том, где он и чем занимается.

– Он... решает королевские дела, – мне удаётся сдерживать порывы смеха.

– А когда он появится? – Не унимается Оливия, подложив ладошки под пухлую щёчку. Кажется, она намерена выяснить его местонахождение во что бы то ни стало.

– Всему своё время.

– Он придёт с туфелькой?

– Она не теряла туфельку, но я могу прочитать вам Золушку.

– Нет, хочу твою сказку.

– У принца должна быть машина, – рассуждает Оливер, рассматривая свои руки лёжа на спине. – Вот у меня будет. Папа сказал, купит мне машину, когда вырасту.

Я перевожу на него взгляд и склоняю голову к плечу.

– Какую машину ты хочешь?

– Большую.

– Что было дальше? – Подгоняет Оливия. – Пусть они встретятся!

– Однажды девушке понадобилась помощь в саду и... – я жую нижнюю губу, сдерживая новый приступ смеха. – Появился принц, чтобы помочь ей.

Голубые глаза Оливии загораются от предвкушения.

– А что он сделал?

– Снял запутавшиеся провода, – на сей раз сдержаться не получается, я начинаю смеяться.

Да уж, вот же герой, но в глазах Оливии, подобный подвиг равносителен спасённой жизни. Это даже мило, и Уилл тем утром действительно оказал мне большую услугу.

– А потом он показал ей свой замок?

– Ещё как, я... кхм, она даже готовила на его большой-пребольшой кухне.

– И они сразу влюбились друг в друга?

– Разумеется, – преувеличиваю я или же не совсем преувеличиваю, ведь на деле всё обстоит именно так. По крайней мере, с моей стороны.

– Что было дальше?

– Совсем нет машин, – огорчение сочится из голоса Оливера. Он переворачивается на бок и, кажется, не на шутку расстраивается.

– А дальше история ещё не дописана, но там обязательно будут машины. Теперь закрывайте глазки, в следующий раз

расскажу продолжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.